
.....Глава 6

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО: ЧАСТЬ I – ОТ СЛЕДСТВИЯ К СУДУ ...

Цели обучения

- Ознакомить участников с рядом основных норм международного права, касающихся прав личности, соблюдение которых должно обеспечиваться в ходе расследования преступлений, и с применением этих норм международными контрольными органами.
- Обратит особое внимание участников на важность применения этих правовых норм в целях защиты широкого спектра прав человека в обществе, основанном на принципе верховенства закона.
- Довести до сознания обучающихся судей, прокуроров и адвокатов, насколько важную роль они играют в деле практического осуществления принципа законности, в частности соблюдения прав личности в процессе расследования преступлений.
- Помочь осознать тот факт, что неукоснительное соблюдение норм справедливого судебного разбирательства может не только способствовать упрочению защиты прав человека в широком смысле, но и усилить приток инвестиций в экономику, а также содействовать укреплению мира и безопасности внутри государств и на международной арене.

Вопросы

- Успели ли вы достаточно хорошо ознакомиться с международными правовыми нормами и судебной практикой в области расследования преступлений?
- Возможно, эти нормы и практика даже являются частью национальной правовой системы, в рамках которой вы работаете?
- Если да, то каков их правовой статус и представлялась ли вам когда-либо возможность применять их?
- Были ли в вашей практике случаи, когда у вас возникали трудности – или какие-либо особые проблемы – с обеспечением соблюдения прав человека на досудебной стадии процесса?

Вопросы (продолжение)

- Если ответ утвердительный, то с какими именно трудностями и проблемами вы сталкивались и как вы их преодолевали в рамках правовой системы, где вы работаете?
- Какие конкретные вопросы вы хотели бы рассмотреть на этих курсах с помощью наших методистов/инструкторов?

Соответствующие правовые документы

Универсальные документы

- Всеобщая декларация прав человека, 1948 год
- Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 год
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 1984 год
- Статут Международного уголовного суда, 1998 год

- Кодекс поведения для должностных лиц по поддержанию правопорядка, 1979 год
- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 1988 год
- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, 1955 год
- Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, 1990 год
- Основные принципы, касающиеся роли юристов, 1990 год
- Правила процедуры Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде

Региональные документы

- Африканская хартия прав человека и народов, 1981 год
- Американская конвенция о правах человека, 1969 год
- Европейская конвенция о правах человека, 1950 год

1. Введение

В настоящей главе основное внимание будет уделено всеобъемлющему принципу *равенства перед законом*, обусловливающему и гражданское, и уголовное судопроизводство с самого начала, а также принципу *презумпции невиновности*, который имеет основополагающее значение с точки зрения уголовного судопроизводства. В равной степени данные понятия относятся и к следующей главе, однако в главе 7 они будут затрагиваться в ином контексте. Таким образом, предметом настоящей главы являются некоторые права человека, соблюдение которых представляется особо актуальным на стадии расследования преступлений, а когда это применимо – вплоть до начала судебного разбирательства. При этом следует отметить, что вопрос об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних будет особо разбираться в главе 10.

Необходимо подчеркнуть, что в задачу настоящей главы не входит рассмотрение всего перечня прав, гарантии которых должны обеспечиваться на стадии, предшествующей началу судебного разбирательства: основное внимание будет уделено лишь некоторым правам человека, соблюдение которых, по общему мнению, имеет особенно важное значение в ходе расследования уголовных дел¹. Осуществление части этих прав необходимо и на стадии судебного разбирательства, поэтому речь о них будет идти также в главе 7. Вопрос о том, какие проблемы должны стать предметом рассмотрения настоящей главы, а какие – следующей, решался исходя из практических соображений, в соответствии с логикой развития событий, происходящих в процессе расследования преступной деятельности и, возможно, в ходе судебного разбирательства по установлению вины. Поскольку права, подлежащие соблюдению на досудебной и судебной стадиях процесса, тесно взаимосвязаны между собой, полностью избежать некоторого дублирования не удалось, хотя там, где было возможно, оно сведено к минимуму.

2. Эффективная защита права на справедливое судебное разбирательство – задача глобального масштаба

Каждый человек имеет право на справедливое разбирательство как гражданских, так и уголовных дел, а эффективная защита всех прав человека в существенной мере зависит от практической возможности обратиться в любое время в компетентный, независимый и беспристрастный суд общей юрисдикции, который может и должен отправлять правосудие со всей

¹ Свод важнейших норм, касающихся всех стадий следствия и суда, см. *Amnesty International Fair Trials Manual*, London, 1998, 187 pp.

надлежащей справедливостью. Добавим к этому профессиональную деятельность прокуроров и адвокатов, каждый из которых в пределах своей компетенции должен принимать соответствующие меры к тому, чтобы право на справедливое судебное разбирательство могло осуществляться в реальной действительности, – и мы можем говорить об одной из правовых основ демократического общества, построенного на принципе верховенства закона.

Однако значение независимой и беспристрастной Системы правосудия, способной обеспечить справедливость судопроизводства, не ограничивается лишь правами и интересами людей: оно не менее важно и для других субъектов права, включая хозяйствующих субъектов, будь то малые предприятия или крупные корпорации, которые зачастую полагаются на решения судов общей юрисдикции, в частности в деле урегулирования разного рода споров. Представляется маловероятным, например, что отечественные и иностранные предприятия будут стремиться вкладывать средства в страны, где, по общему признанию, суды не отправляют правосудие на беспристрастной основе. Кроме того, не подлежит сомнению, что в странах, где потерпевшие ущерб лица либо другие субъекты права могут свободно обращаться в суды с требованием о защите своих прав, легче принимать меры по снижению социальной напряженности, а перспектива того, что у кого-то появится желание самолично вершить правосудие, представляется весьма отдаленной. В качестве инструментов для снижения социальной напряженности суды общей юрисдикции могут содействовать укреплению безопасности не только на национальном, но и на международном уровне, поскольку внутренняя напряженность несет в себе угрозу распространения за границы соответствующих государств со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Даже краткий экскурс в судебную практику международных контрольных органов, позволяет сделать вывод, что право на справедливое судебное разбирательство регулярно нарушается во всех регионах мира. Подтверждением этому может служить тот факт, что подавляющее большинство дел, которые приходится рассматривать Комитету по правам человека, в частности, на основании Факультативного протокола, связаны с нарушениями прав, предположительно имевшим место на досудебной или судебной стадиях процесса. Ниже приводятся характеристика соответствующих правовых норм и относящийся к этим нормам краткий обзор наиболее значимых аспектов деятельности международных судебных органов.

3. Правовые тексты

Основные правовые тексты, касающиеся справедливого судебного разбирательства, содержатся в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 7 Африканской хартии прав человека и народов, статье 8 Американской конвенции о правах человека и статье 6 Европейской конвенции о правах человека. Соответствующие положения этих статей будут рассмотрены в нижеследующих разделах,

озаглавленных надлежащим образом, а полные их тексты будут раздаваться присутствующим в виде информационных материалов.

Дополнительные нормы, на которые будут делаться ссылки ниже, изложены, в частности, в следующих документах Организации Объединенных Наций: Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Всеобщей декларации прав человека; Кодексе поведения для должностных лиц по поддержанию правопорядка; Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме; Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными; Руководящих принципах, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, и Основных принципах, касающихся роли юристов, Правилах процедуры Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, а также в Статуте Международного уголовного суда.

4. Право на равенство перед законом и на равное обращение в соответствии с законом

Право на равенство перед законом и на равное обращение в соответствии с законом, или, иными словами, принцип недискриминации, обуславливает толкование и применение не только правовых норм, касающихся прав человека в узком смысле, но и положений международного гуманитарного права². Например, в соответствии со статьей 26 Международного пакта о гражданских и политических правах “все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона”. Аналогичные положения содержатся в статье 3 Африканской хартии прав человека и народов и статье 24 Американской конвенции о правах человека. Кроме того, в пункте 1 статьи 20 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде и пункте 1 статьи 21 Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии предусматривается, что перед этими трибуналами “все люди равны”.

² См., например, статьи 1, 2 и 7 Всеобщей декларации прав человека; пункты 1 и 3 статьи 2, пункт 1 статьи 4 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах; пункт 2 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; статьи 2, 3, пункт 3 статьи 18 и статью 28 Африканской хартии прав человека и народов; статьи 1, 24 и пункт 1 статьи 27 Американской конвенции о правах человека; статью 14 Европейской конвенции о правах человека; статьи 2 и 15 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года; статью 2 Конвенции о правах ребенка 1989 года и Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 года. В четырех Женевских конвенциях 1949 года см., например, статьи 3 и 27 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны; пункт 1 статьи 9 и пункт 1 статьи 75 Дополнительного протокола 1977 года к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), а также пункт 1 статьи 2 и пункт 1 статьи 4 Дополнительного протокола 1977 года к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II).

С другой стороны, принцип равенства или запрещения дискриминации отнюдь не означает, что проведение различий в принципе недопустимо, в связи с чем Комитет по правам человека вынес постановление, что различия в обращении с разными людьми или группами людей “должны быть основаны на разумных и объективных критериях”³. Впрочем, дальнейшие подробности относительно применения принципа равенства и запрещения дискриминации будут изложены в главе 13 ниже.

Конкретное право на равенство перед судами составляет основу принципа, предусматривающего право на беспристрастное судебное разбирательство, который закреплен *expressis verbis* в пункте 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому “все лица равны перед судами и трибуналами”⁴. Хотя в соответствующих статьях региональных конвенций, касающихся справедливого судебного разбирательства, право на равенство перед судами не предусмотрено, оно подразумевается закрепленным в них общим принципом равенства.

Принцип равенства перед судами означает **прежде всего**, что **любой человек**, независимо от его пола или расы, происхождения или, например, финансового положения, **представ перед судом, имеет право не подвергаться дискриминации ни в ходе разбирательства, ни в процессе применения к нему каких-либо норм права**. Кроме того, такие права должны гарантироваться всем лицам, независимо от того, подозреваются ли они в совершении незначительного правонарушения или тяжкого преступления. **Во-вторых**, принцип равенства означает, что **все люди должны иметь равный доступ к судам**.

³ Сообщение № 694/1996, *Вальдман против Канады* (соображения, принятые 3 ноября 1999 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/40 (том II), стр. 127, пункт 10.6.

⁴ См. также статью 5 а) Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 года, в которой предусматривается “право на равенство перед судом и всеми другими органами, отправляющими правосудие”; пункт 1 статьи 21 Устава Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии, согласно которой “все люди равны перед Международным трибуналом”; пункт 1 статьи 21 Устава Международного уголовного трибунала для Руанды и пункт 1 статьи 67 Статута Международного уголовного суда.

Равный доступ к судам: дело Оло Баамонде

Принцип равенства обсуждался в деле *Оло Баамонде*, поступившем на рассмотрение на основании пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор сообщения жаловался на то, что все его попытки подать в суды своей страны жалобу с просьбой о возмещении ущерба за преследования, которым он якобы подвергнулся со стороны государственных органов, закончились безуспешно. В связи с этим Комитет отметил, что,

“...понятие равенства в судах и трибуналах охватывает сам доступ к судам и что ситуация, при которой попытки того или иного человека обратиться в компетентный суд с жалобой систематически наталкиваются на препятствия, противоречит гарантиям пункта 1 статьи 14”⁵.

Обеспечение женщинам равного доступа к судам: Другим важным аспектом права на равенство является **необходимость обеспечения женщинам равного доступа к судам с целью эффективной защиты своих прав**. В качестве примеров для иллюстрации действия этой основной нормы можно привести следующие два весьма важных дела. В первом из них, когда женщине не позволили предъявить иск к нанимателям двух принадлежавших ей многоквартирных домов, Комитет по правам человека констатировал нарушение статьи 3, пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта. По Гражданскому кодексу Перу, право представлять общую собственность супругов в судах имеет только муж, но не замужняя женщина, а такое положение вещей противоречит нормам международного права в области прав человека⁶. Во втором деле, по обстоятельствам которого из-за непомерно высоких судебных расходов женщина не смогла обратиться в суд за решением о раздельном проживании с супругом и не имела возможности получить правовую помощь для ведения такого сложного процесса, Европейский суд по правам человека установил нарушение пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции⁷.

Более подробно вопрос о праве женщин на обращение в суды будет рассматриваться в главе 11, ниже, однако эти два примера дают представление о степени защищенности, обеспечиваемой соблюдением принципа равенства.

⁵ Сообщение № 468/1991, *А.Н. Оло Баамонде против Экваториальной Гвинеи* (соображения, принятые 20 октября 1993 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/49/40 (том II), стр. 192, пункт 9.4.

⁶ Communication No. 202/1986, *G. Ato del Avellanal v. Peru* (Views adopted on 28 October 1988), UN doc. GAOR, A/44/40, pp. 198-199, paras. 10.1-12.

⁷ *Eur. Court HR, Airey Case v. Ireland, judgment of 9 October 1979, Series A, No. 32*, pp. 11-16, paras. 20-28.

Соблюдение принципа равенства должно гарантироваться на всем протяжении досудебной и судебной стадий процесса, причем каждому подозреваемому или обвиняемому предоставляется право не подвергаться дискриминации ни в ходе следствия или судебного процесса, ни в отношении того, каким образом к ним применяются соответствующие нормы права.

Принцип равенства означает также, что все люди должны иметь равный доступ к судам для защиты своих прав. В частности, женщины должны иметь такие же права на обращение в суд, что и мужчины, что позволит им эффективно защищать свои права.

5. Право на презумпцию невиновности – общая гарантия, которая должна действовать с момента возникновения подозрений и до момента признания лица виновным либо его оправдания

Право обвиняемого считаться невиновным до тех пор, пока не будет доказана его виновность, является еще одним принципом, обуславливающим обращение с любым обвиняемым на всем протяжении следствия и судебного процесса по какому-либо уголовному делу, вплоть до вынесения окончательного решения по апелляции. В пункте 2 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусмотрено, что “каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону”. Кроме того, право на презумпцию невиновности гарантируется в пункте 1 b) статьи 7 Африканской хартии прав человека и народов, пункте 2 статьи 8 Американской конвенции о правах человека и пункте 2 статьи 6 Европейской конвенции о правах человека, а положение пункта 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека обеспечивает каждому “человеку, обвиняемому в совершении преступления, [это же право] ... считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты”. Впоследствии принцип презумпции невиновности был, помимо прочего, включен в пункт 3 статьи 20 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде и пункт 3 статьи 21 Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, а также в пункт 1 статьи 66 Статута Международного уголовного суда.

Как отмечал Комитет по правам человека в своем Замечании общего порядка № 13, принцип презумпции невиновности означает, что

“бремя доказательства вины лежит на обвинении, и сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Никто не может считаться виновным до тех пор, пока обвинение не будет доказано вне сомнений разумного характера. Кроме того, презумпция невиновности предполагает наличие права быть судимым в соответствии с этим принципом. Поэтому все государственные власти обязаны воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса”⁸.

Негативные публичные комментарии со стороны властей: В деле *Гридина* власти не соблюли предусмотренное в пункте 2 статьи 14 Международного пакта ограничение, направленное на сохранение презумпции невиновности обвиняемого. Автор сообщения, в частности, утверждал, что высокопоставленные чиновники правоохранительных ведомств выступали с публичными заявлениями, в которых говорили о его виновности в совершении изнасилований и убийств, и что эти заявления широко комментировались в средствах массовой информации. Комитет отметил, что “во время рассмотрения жалобы автора Верховный суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему конкретного решения”⁹. Отсюда можно сделать вывод, что в данном деле имело место нарушение пункта 2 статьи 14.

Анонимность судей: Право на презумпцию невиновности, гарантии которого содержатся в пункте 2 статьи 14 Пакта, было также нарушено в деле *Полай Кампос*, где суд над потерпевшим вершил специальный трибунал, состоявший из “безликих судей”, сохранявших свою анонимность, которые не могли рассматриваться в качестве независимого и беспристрастного суда¹⁰.

Изменение места рассмотрения дела: Недопущение права на презумпцию невиновности, гарантированного в пункте 2 статьи 14 Международного пакта, не было в деле, по обстоятельствам которого автор сообщения жаловался на то, что в результате отказа судьи изменить место рассмотрения дела он лишился прав на справедливое судебное разбирательство и на презумпцию невиновности. Комитет принял во внимание то обстоятельство, что запрос подателя жалобы был “подробно рассмотрен судьей в самом начале судебного процесса”, а также отметил указания судьи относительно того, что “опасения автора были обусловлены выражениями враждебности по отношению к нему, которые предшествовали

⁸ Замечание общего порядка № 13 (статья 14), *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 168, пункт 7.

⁹ Сообщение № 770/1997, *Гридин против Российской Федерации* (соображения, принятые 20 июля 2000 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/55/40* (том II), стр. 233, пункт 8.3.

¹⁰ Сообщение № 577/1994, *Р. Эспиноза де Полай против Перу* (соображения, принятые 6 ноября 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/53/40* (том II), стр. 43, пункт 8.8.

судебному процессу, и что автор был единственным из пяти обвиняемых, просившим об изменении места проведения суда”¹¹. После этого судья, заслушав стороны и “констатировав надлежащий выбор присяжных заседателей, ... воспользовалась своими дискреционными полномочиями и согласилась с проведением суда” на той же территории¹². С учетом вышеуказанных обстоятельств Комитет постановил, что решение судьи не менять место рассмотрения дела не нарушало ни право автора сообщения на справедливое судебное разбирательство, ни его право на презумпцию невиновности. Комитет, в частности, определил, что при принятии “решений, подобных тому, которое было принято судьей относительно места рассмотрения дела, у судей всегда должна оставаться определенная свобода выбора, а в отсутствие каких-либо доказательств произвола или нарушения равенства при принятии вышеупомянутого решения” Комитет “не считал возможным подменять своими выводами решения ведущего процесс судьи”¹³.

Закрепленное в пункте 1 b) статьи 7 Африканской хартии прав человека и народов “право считаться невиновным до тех пор, пока ... виновность не будет установлена компетентным судом или трибуналом”, было нарушено в деле, по обстоятельствам которого руководящие лица правительства Нигерии заранее объявляли обвиняемых виновными в совершении преступлений, причем делали это, выступая на различных пресс-конференциях и в Организации Объединенных Наций. Позже все обвиняемые были признаны виновными и казнены по результатам разбирательства, проведенного судом, который не мог считаться независимым в соответствии со статьей 26 Хартии¹⁴.

Считается, что право на презумпцию невиновности, закрепленное в пункте 2 статьи 6 Европейской конвенции о правах человека, представляет собой “один из элементов справедливого уголовного процесса, требования к которому предусмотрены в пункте 1” этой статьи, и является правом, которое, аналогично другим правам, провозглашенным в этой Конвенции, **“должно истолковываться таким образом, чтобы гарантировалось практическое и эффективное, а не теоретическое и иллюзорное соблюдение этих прав”**¹⁵.

¹¹ Сообщение № 591/1994, *Я. Чанг против Ямайки* (соображения, принятые 9 апреля 1998 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том II), стр. 73, пункт 8.3.

¹² Там же, цит. место.

¹³ Там же.

¹⁴ *ACHPR, International Pen and Others (on behalf of Ken Saro-Wiwa Jr. and Civil Liberties Organisations) v. Nigeria, Communications Nos. 137/94, 139/94, 154/96 and 161/97, decision adopted on 31 October 1998*, текст пунктов 94–96 данного решения см. в Интернете по адресу: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/137-94_139-94_154-96_161-97.html.

¹⁵ *Eur. Court HR, Case of Allenet de Ribemont v. France, judgment of 10 February 1995, Series A, No. 308*, p. 16, para. 35 (курсив наш).

Следовательно, о нарушении права на презумпцию невиновности можно говорить в тех случаях, когда, например, “в решении суда, касающемся лица, обвиненного в совершении уголовного преступления, получает свое отражение убежденность в его виновности, возникшая еще до того, как последняя была доказана в соответствии с законом”; при этом вполне достаточно, чтобы “даже в отсутствии какого-либо формального решения имелись основания полагать, что суд с самого начала исходил из предположения о виновности обвиняемого”¹⁶.

Негативные публичные комментарии со стороны властей: дело Альне де Рибмона

“Право на презумпцию невиновности может быть нарушено не только судьей или судом, но и другими органами власти”¹⁷. Обстоятельства дела *Альне де Рибмона* говорят о том, что как только полиция арестовала заявителя, тут же была созвана пресс-конференция, на которой его косвенно обвинили в причастности к убийству члена французского парламента. На этой пресс-конференции, которая главным образом была посвящена вопросам финансирования французской полиции в ближайшие годы, присутствовали министр внутренних дел, директор парижского департамента по расследованию уголовных дел и начальник криминального отдела. На тот момент заявителю не было предъявлено никаких обвинений. В данном деле Европейский суд установил нарушение пункта 2 статьи 6 и указал, что “самые высокопоставленные сотрудники французской полиции назвали, без каких-либо ограничений или оговорок, г-на Альне де Рибмона одним из подстрекателей к этому убийству, а значит и сообщником в совершении этого убийства”. По мнению Европейского суда, это “было равнозначно заявлению о виновности заявителя, что, во-первых, заставило общественность поверить в его виновность и, во-вторых, как бы предрешало оценку фактов компетентным судебным органом”¹⁸.

Оценка издержек и подразумеваемое признание виновным:

Согласно постановлению Европейского суда, пункт 2 статьи 6 “не наделяет лицо, “обвиненное в совершении уголовного преступления”, правом на возмещение понесенных им судебных издержек, когда производство по возбужденному против него делу прекращается, но в связи с решением об отказе вынести постановление о возмещении ранее обвинявшемуся лицу понесенных им издержек и расходов после прекращения возбужденного против него уголовного дела “может возникнуть проблема, касающаяся § 2 статьи 6, если из дополнительных материалов мотивирующей части, которые нельзя отделять от положений постановляющей части решения, по сути можно сделать вывод о признании ранее обвинявшегося виновным, хотя до того виновность его не была доказана в соответствии с законом и, в частности,

¹⁶ Ibid., loc. cit.

¹⁷ Ibid., p. 16, para. 36.

¹⁸ Ibid., p. 17, para. 41.

ему не была предоставлена возможность осуществить свои права на защиту”¹⁹.

Так, Европейский суд установил нарушение пункта 2 статьи 6 Европейской конвенции в деле *Минелли*, когда при распределении издержек, связанных с частным обвинением, Суд присяжных кантона Цюрих пришел к заключению, что в отсутствие соответствующих законных ограничений заявитель “с весьма большой вероятностью” мог быть признан виновным в диффамации за то, что он опубликовал статью, в которой обвинял в мошенничестве одну компанию²⁰. С точки зрения Европейского суда, Суд присяжных счел виновность заявителя доказанной, в то время как потерпевшему “не были обеспечены гарантии, закрепленные в” пунктах 1 и 3 статьи 6, а следовательно, оценки, данные вышеупомянутым Судом, “нельзя считать совместимыми с соблюдением презумпции невиновности”²¹. Не исправил положение и тот факт, что в вышеупомянутое решение Федеральный суд “добавил некоторые нюансы”, поскольку он “ограничился разъяснением мотивов этого решения, но не изменил их смысл или сферу применения”. Отклонив ходатайство заявителя, Федеральный суд подтвердил правомерность решения Суда присяжных и одновременно “поддержал это решение по существу его наиболее важных пунктов”²².

По-иному, однако, решилось дело *Лейчера*, в котором заявитель в его отсутствие был признан виновным в совершении нескольких налоговых преступлений, но в порядке апелляции суд счел, что обвинение не уложилось в установленные сроки. В ответ на ходатайство заявителя о возмещении ему различных издержек и произведенных расходов апелляционный суд, касаясь гонораров адвокатам, заявил, что в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, “позволяющие даже в малейшей мере усомниться в правомерности вынесенного обвинительного вердикта”²³. Однако Европейский суд по правам человека пришел к заключению, что вышеупомянутые факты не являются нарушением положения пункта 2 статьи 6. Апелляционный суд обладал “довольно широкими дискреционными полномочиями” для принятия на основе норм справедливости решения в отношении того, следует ли оплачивать издержки заявителя из государственных фондов, и, осуществляя эти полномочия, “имел право учитывать то обстоятельство, что подозрения в отношении заявителя по-прежнему сохранялись и обвинительный акт против него в порядке апелляции был отменен лишь потому, что сторона обвинения, как выяснилось, нарушила сроки передачи дела в суд”²⁴. По мнению Европейского суда, рассмотренное заявление нельзя толковать иначе как пересмотр решения о виновности заявителя²⁵.

19 *Eur. Court HR, Case of Leutscher v. the Netherlands, judgment of 26 March 1996, Reports 1996-II, p. 436, para. 29.*

20 *Eur. Court HR, Minelli Case v. Switzerland, judgment of 25 March 1983, Series A, No. 62, p. 18, para. 38.*

21 *Ibid.*, loc. cit.

22 *Ibid.*, p. 19, para. 40.

23 *Ibid.*, p. 432, para. 14.

24 *Ibid.*, p. 436, para. 31.

25 *Ibid.*, loc. cit.

Право считаться невиновным до тех пор, пока не будет доказана виновность, действует как на стадии расследования уголовных дел, так и на этапе судебного разбирательства: доказывать вне всяких разумных сомнений виновность обвиняемого в совершении преступления должны органы обвинения. Негативные публичные заявления со стороны официальных лиц могут поставить под вопрос соблюдение принципа презумпции невиновности.

6. Соблюдение прав человека на стадии расследования уголовных дел

Даже во время следствия по уголовному делу лица, в отношении которых ведется расследование, продолжают пользоваться своими основными правами и свободами, хотя и с определенными ограничениями, связанными с лишением этих лиц свободы в соответствии с избранной мерой пресечения. Некоторые права, например право не подвергаться пыткам, остаются, как будет показано ниже, у всех и всегда, тогда как право на невмешательство в личную и семейную жизнь может постепенно сужаться, например в тех случаях, когда используются современные средства прослушивания телефонных переговоров. Для иллюстрации данной проблемы ниже будут приведены несколько примеров. Следует еще раз напомнить, что в настоящем разделе не ставится задача дать исчерпывающий анализ прав, гарантируемых в ходе расследования преступлений, но предполагается рассмотреть лишь некоторые основные права, подлежащие защите на этой важной стадии уголовного процесса.

6.1 Право на невмешательство в личную жизнь, а также на неприкосновенность жилища и корреспонденции

Право на невмешательство в личную и семейную жизнь, а также на неприкосновенность жилища и корреспонденции закреплено, пусть и в различных формулировках, в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 11 Американской конвенции о правах человека и статье 8 Европейской конвенции о правах человека. Однако при определенных обстоятельствах на это право могут накладываться ограничения. Так, в пункте 1 статьи 17 Международного пакта предусматривается, что “никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или

незаконным посягательствам на его честь и репутацию”; тогда как сформулированная аналогичным образом статья 11 Американской конвенции открывается все же словами: “Никто не может быть объектом произвольного и оскорбительного вмешательства...”. В соответствии со статьей 8 Европейской конвенции “не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление” права на уважение личной и семейной жизни, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции,

“...за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

Проблемы, касающиеся права на личную жизнь, будут рассмотрены ниже в связи с *прослушиванием телефонных переговоров, обысками и нарушением тайны корреспонденции*, представляющими собой меры, которые обычно используются на раннем этапе судебного расследования с целью проверки подозрений в совершении преступлений и по результатам которых затем могут быть предъявлены либо не предъявлены официальные обвинения.

6.1.1 Прослушивание телефонных переговоров

Вопрос о перехвате телефонных переговоров для целей судебного следствия в отношении преступной деятельности до настоящего времени не обсуждался ни в Комитете по правам человека, ни в Межамериканском суде по правам человека, между тем в Европейском суде по правам человека эта проблема возникала неоднократно. И Европейский суд неизменно выносил решения о том, что такое прослушивание телефонных переговоров равнозначно “вмешательству со стороны публичных властей” в осуществление права заявителя на неприкосновенность корреспонденции и невмешательство в личную жизнь, гарантированное статьей 8 Европейской конвенции, то есть вмешательству, которое, чтобы быть обоснованным, должно, как следует из вышеизложенного, быть “предусмотрено законом”, преследовать одну или несколько законных целей, упомянутых в пункте 2 статьи 8, и наконец, должно также быть “необходимым в демократическом обществе” в плане достижения одной или нескольких таких законных целей²⁶.

Не вдаваясь в подробности практики Европейского суда, связанной с понятием “предусмотренное законом”, в данном контексте достаточно указать, что основа для такой меры как прослушивание телефонных переговоров должна быть заложена во внутригосударственном праве, а положения этого права должны быть не только “*доступными*”, но и “*предсказуемыми*” в том, что касается “значения и характера применяемых мер”²⁷. Иными словами, в пункте 2 статьи 8 “не просто делается отсылка к

²⁶ См., например, *Eur. Court HR, Huvig Case v. France, judgment of 24 April 1990, Series A, No. 176-B*, p. 52, para. 25.

²⁷ *Ibid*, pp. 52-55, paras. 26-29 (курсив наш).

нормам внутригосударственного права, но оговаривается и **качество этих норм**, в частности требование об их соответствии принципу законности”²⁸. Это, в частности, означает, “что во внутригосударственном праве должны быть предусмотрены меры правовой защиты от произвольного вмешательства публичных властей в права, гарантированные положением пункта 1 статьи 8, потому что существует опасность произвола, особенно в тех случаях, “когда исполнительная власть начинает осуществлять то или иное свое полномочие тайно”²⁹. И хотя “требование предсказуемости не может означать, что любой индивид должен иметь возможность предугадать, когда органы власти захотят перехватить его сообщения и сообразовать с этим свое поведение”, нормы права тем не менее

“должны быть сформулированы достаточно четко, чтобы граждане имели адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых и на которых публичные власти будут иметь право использовать этот секретный и потенциально опасный инструмент вмешательства в право на невмешательство в личную жизнь и неприкосновенность корреспонденции”³⁰.

Иначе говоря, требование обеспечения правовой защиты предполагает, что во внутригосударственном праве должны содержаться адекватные правовые гарантии от злоупотреблений, а в тех случаях, когда соответствующим органам власти предоставляются, например, те или иные дискретные полномочия, нормы этого права должны также оговаривать “степень дискретности этих полномочий”³¹.

28 Ibid., p. 54, para. 29 (курсив наш).

29 См. например, *Eur. Court HR, Malone Case v. the United Kingdom, judgment of 2 August 1984, Series A, No. 82*, p. 32, para. 67.

30 Ibid., loc. cit.

31 Ibid., para. 68 at p. 33.

Дело супругов Ювиг

В деле *супругов Ювиг* телефон заявителей около двух дней прослушивался по распоряжению судьи, который вел расследование по обвинениям в уклонении от уплаты налогов и фальсификации бухгалтерских документов. Европейский суд признал, что оспаривавшиеся меры имели свое юридическое обоснование во французском праве, а именно в Уголовно-процессуальном кодексе как он толкуется французскими судами, с которым, помимо всего прочего, можно было ознакомиться без особых затруднений. Однако при рассмотрении вопроса о качестве законодательных положений Суд пришел к выводу, что в последних “не было дано достаточно четких определений сферы и методов осуществления публичной властью соответствующих дискреционных полномочий”, то есть заявителям “не была обеспечена минимальная степень защиты, на которую граждане имеют право в соответствии с принципом законности, подлежащим соблюдению в демократическом обществе”³². Иными словами, действующая правовая система “не предоставляет должных гарантий от различного рода злоупотреблений”, так как в рамках этой системы, например, “нигде не определяется, ... в отношении каких категорий лиц могут отдаваться судебные приказы о прослушивании их телефонов и какой характер должны носить правонарушения, чтобы такое постановление могло быть вынесено”, и нигде не устанавливаются требования, которые обязывали бы судью “определять сроки такого прослушивания”³³. Кроме того, в законе не уточняются “обстоятельства, когда записи могут или должны быть стерты либо такие ленты уничтожены, в частности если судья, ведущий следствие, снял обвинения с обвиняемого или же последний был оправдан судом”³⁴. На основании вышеизложенного был сделан вывод о том, что, поскольку заявителям не была обеспечена минимальная степень защиты, на которую граждане имеют право в соответствии с принципом законности, подлежащим соблюдению в демократическом обществе, в данном деле имело место нарушение положений статьи 8.

Европейский суд обнаружил нарушения положений статьи 8 и в других аналогичных делах, например в делах *Крюслена* и *Малоуна*, решения по которым, как и по делу супругов *Ювиг*, выносились на основании вывода о том, что существующая практика не отвечает требованиям, вытекающим из формулировки “предусмотренное законом”, содержащейся в пункте 2 статьи 8 Конвенции³⁵.

³² Eur. Court HR, *Huvig Case v. France, judgment of 24 April 1990, Series A, No. 176-B*, p. 56-57, para. 35.

³³ Ibid., p. 56, para. 34.

³⁴ Ibid., loc. cit.

³⁵ Eur. Court HR, *Malone Case v. the United Kingdom, judgment of 2 August 1984, Series A, No. 82*, и Eur. Court HR, *Kruslin Case v. France, judgment of 24 April 1990, Series A, No. 176-A*. Однако в деле *Класса и др.* Суд не обнаружил нарушений статьи 8 (см. Eur. Court HR, *Case of Klass and Others, judgment of 6 September 1976, Series A, No. 28*).

Дело Ламперта

Из текста решения по более позднему делу *Ламперта* можно сделать вывод, что в 1991 году в Уголовно-процессуальный кодекс Франции была внесена поправка о конфиденциальности телекоммуникационных сообщений, в которой устанавливались “четкие и подробные правила”, а также конкретизировались “с достаточной степенью определенности сфера и методы осуществления публичными властями соответствующих дискреционных полномочий”³⁶. Тем не менее положения статьи 8 оказались нарушенными и в данном деле, поскольку заявитель “не пользовался эффективной защитой национального законодательства, в котором не установлены сколь-либо четкие различия в отношении того, чьи телефоны могут быть поставлены на прослушивание”³⁷.

По обстоятельствам данного дела заявителя обвинили в совершении кражи при отягчающих обстоятельствах после того, как были перехвачены несколько его разговоров с другим лицом, чей телефон стоял на прослушивании. Адвокат заявителя обратился с апелляцией против продления времени прослушивания телефонных переговоров, но по ней кассационный суд, в частности, постановил, “что заявитель ‘не имел права обращаться в суд по поводу того, каким именно образом было осуществлено продление времени прослушивания телефонов *третьего лица*’”³⁸. Европейский суд согласился с тем, что нарушение права заявителя на невмешательство в его личную жизнь и на неприкосновенность корреспонденции “имело целью установить истину по уголовному судопроизводству и, следовательно, не допустить нарушений установленного порядка”³⁹. Однако тот факт, что кассационный суд отказал заявителю в праве на обращение в суд по поводу продления сроков прослушивания телефонов, мог, по мнению Европейского суда, “привести к принятию таких решений, на основании которых очень большое число людей, а именно те, кто разговаривает по телефонам, им не принадлежащее, могли бы лишиться правовой защиты”, что “в существенной мере подорвало бы действие защитных механизмов”. Следовательно, заявитель не смог использовать возможности “эффективного контроля”, предусмотренные для граждан в соответствии с принципом верховенства закона, с помощью которых можно было бы ограничить масштабы подобного рода вмешательства до “необходимого в демократическом обществе” уровня⁴⁰.

³⁶ *Eur. Court HR, Case of Lampert v. France, judgment of 24 August 1998, Reports 1998-V*, p. 2240, para. 28. Это один из многих интересных примеров того, какое влияние практика работы Европейского суда по правам человека оказывает на внутригосударственное законодательство.

³⁷ *Ibid.*, p. 2242, para. 39.

³⁸ *Ibid.*, p. 2235, paras. 8-10 and p. 2236, para. 14 (второй курсив наш).

³⁹ *Ibid.*, p. 2240, para. 29.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 2241-2242, paras. 38-40.

Поскольку всегда существует опасность экстраполяции практики европейского судопроизводства на другие области, представляется целесообразным в заключение отметить, что право судебных органов прибегать к прослушиванию телефонных переговоров и по Международному пакту, и по Американской конвенции будет в большинстве случаев толковаться в пользу права на невмешательство в личную жизнь и что такое вмешательство в осуществление этого права должно будет, по меньшей мере, базироваться на внутригосударственном законодательстве, предусмотренном для достижения конкретных и законных целей, и сопровождаться надлежащими гарантиями и средствами правовой защиты для тех лиц, чьи телефоны ставятся на прослушивание.

6.1.2 Обыски

В международном праве в области прав человека не содержится подробных норм, которые касались бы законности обыска, но и здесь некоторые указания можно найти в европейском прецедентном праве. Однако следует отметить, что в нижеприведенном деле речь шла не о выдаче ордера на обыск органам полиции, а о вынесении соответствующего постановления в пользу частной стороны в гражданском процессе.

В деле *Чеппела*, которое касалось нарушения авторских прав, а не совершения преступления, Европейскому суду пришлось рассмотреть вопрос о соответствии статье 8 Европейской конвенции такой меры как обыск, который был проведен в производственных помещениях заявителя с целью обеспечения доказательств, которые могли быть использованы в порядке охраны авторских прав истца от их несанкционированного нарушения. Правительство согласилось с тем, что имело место вмешательство в право заявителя на неприкосновенность его личной жизни и жилища, а заявитель, в свою очередь, признал обыск правомерным и отвечающим требованиям пункта 2 статьи 8 в том, что касается защиты “прав ... других лиц”⁴¹. Таким образом, Суду предстояло решить вопрос о том, была ли вышеупомянутая мера “предусмотрена законом” и являлась ли она “необходимой в демократическом обществе”. Вышеупомянутый ордер на обыск относился к разряду так называемых “ордеров Антона Пиллера”, представляющих собой промежуточные судебные приказы, направленные на обеспечение сохранности доказательств до начала судебного разбирательства; такие распоряжения выносятся в пользу одной стороны, а ответчика о них не уведомляют и даже не заслушивают.

В данном деле Суд установил, что обыск проводился на основании норм английского права, которые удовлетворяют как условию *доступности*, так и условию *предсказуемости*. В том что касается первого из этих условий, то все соответствующие правовые тексты и материалы прецедентного права были опубликованы и, значит, являлись доступными, а в отношении второго из них “основные условия предоставления такого средства судебной защиты были в свое время изложены с точностью, достаточной для того, чтобы ее можно было считать удовлетворяющей критерию ‘предсказуемости’”. Это

⁴¹ Eur. Court HR, *Case of Chappel v. the United Kingdom, judgment of 30 March 1989, Series A, No. 152-A*, p. 21, para. 51.

соответствовало действительности, несмотря на то что в содержании отдельных ордеров могли наблюдаться “некоторые различия”⁴².

Кроме того, рассматривая вопрос о том, являлась ли принятая мера “необходимой в демократическом обществе”, Суд отметил, что ордер был выдан “с соблюдением гарантий, обеспечивавших разумную ограниченность его последствий”, а именно: 1) он был “выдан лишь на короткий период времени”; 2) “были ограничены как периоды времени для проведения обыска, так и число лиц, которые могли произвести обыск по ходатайству истцов”, и к тому же 3) “все изъятые материалы могли использоваться лишь для одной конкретной цели”⁴³. Кроме того, истцы либо их поверенный приняли ряд обязательств, а “в распоряжении заявителя имелось множество различных средств правовой защиты, к которым он мог прибегнуть, если бы пришел к заключению, что ордер был принят к исполнению ненадлежащим образом”⁴⁴.

Тем не менее Суд признал, что в процессе исполнения ордера имели место “некоторые упущения процессуального характера”, например связанные с тем, что проведение обысков одновременно сотрудниками полиции и представителями истцов, не позволяло г-ну Чеппелу сохранять должную степень сосредоточенности. Однако, по мнению Суда, эти упущения нельзя было считать “настолько серьезными, чтобы процедуру исполнения ордера” можно было “назвать, учитывая обстоятельства дела, не соответствующей поставленной законной цели”⁴⁵. Следовательно, в данном деле статья 8 нарушена не была.

6.1.3 *Нарушение неприкосновенности корреспонденции*

Нарушение неприкосновенности корреспонденции государственными органами власти может представлять собой проблему для лиц, лишенных свободы, в связи с чем в Европейский суд по правам человека поступает множество жалоб. Вопросы, связанные с жалобами заключенных, **признанных виновными** в совершении уголовных преступлений, будут рассматриваться в главе 8. По обстоятельствам дела *Пфайфера и Планкля*, однако, **заявители переписывались друг с другом, находясь в предварительном заключении**. Судья, ведший судебное следствие, по этому делу зачеркнул в одном из писем и сделал не поддающимся прочтению отдельные фрагменты переписки, в которых, как он полагал, содержались “обидные насмешки над тюремным персоналом”⁴⁶. Суд счел такое зачеркивание отдельных фрагментов необоснованным нарушением неприкосновенности корреспонденции заявителей. Он согласился с Европейской комиссией по правам человека в том, “что в письме содержалась скорее критика тюремных условий и, в частности, поведения отдельных членов тюремного персонала”, и отметив “грубость некоторых употребленных в нем выражений”, заключил, что... “они все же являлись частью содержания личного письма, прочесть которое,

42 Ibid., para. 56 at p. 24.

43 Ibid., p. 25, para. 60.

44 Ibid., loc. cit.

45 Ibid., p. 27, para. 66.

46 Eur. Court HR, *Case of Pfeifer and Plankl v. Austria*, judgment of 25 February 1992, Series A, No. 227, p. 18, para. 47.

согласно соответствующим положениям законодательства, ... имели право лишь г-н Пфайфер и судья, ведущий судебное следствие”⁴⁷. Далее Суд сослался на свое решение по делу *Сильвера и др.*, в котором он постановил, “что такая мера как приостановление обмена частными письмами, ‘имеющими целью выказывание неуважения властям’ или содержащими ‘материал, явно рассчитанный на то, чтобы оскорбить тюремные власти’, не является ‘необходимой в демократическом обществе’”. И хотя зачеркивание фрагментов письма в деле *Пфайфера и Планкль* “предположительно, не относилось к разряду грубых вмешательств”, оно все же “не соответствовало” обстоятельствам данного дела и представляло собой нарушение статьи 8 Конвенции⁴⁸.

В деле *Шёненберга и Дюрма* речь шла о ***переписке между адвокатом и лицом, содержащимся в предварительном заключении***. Заявитель, работавший таксистом, был арестован в Женеве по подозрению в незаконной торговле наркотиками и впоследствии переведен в Цюрих. Несколько дней спустя жена г-на Дюрма обратилась к г-ну Шёненбергу с просьбой взять на себя юридическую защиту ее мужа. Согласно требованиям швейцарского законодательства, г-н Шёненберг в тот же день направил письмо с приложением в окружную прокуратуру с просьбой переправить его надлежащему адресату. В письме г-н Шёненберг сообщал г-ну Дюрма, что получил от его жены поручение осуществлять его правовую защиту, и направил ему бланки для оформления полномочий для такой защиты. Помимо прочего г-н Шёненберг указал в этом письме, что обязан обратить внимание на то обстоятельство, что г-н Дюрма имеет право отказаться давать показания и что все, что он скажет, может быть использовано против него⁴⁹. Окружной прокурор задержал доставку этого письма с приложением, о существовании которого г-н Дюрма так и не узнал. Затем, посредством приказа, прокуратура приняла решение не передавать данное письмо г-ну Дюрма, а вместо этого его законным представителем был назначен адвокат из Цюриха⁵⁰.

Европейский суд согласился с тем, что это письмо было задержано в целях “предотвращения беспорядков или преступлений” и обосновал эту свою позицию примерами из собственной практики, в соответствии с которыми “преследование данной цели может ‘оправдывать принятие более широких мер вмешательства, но скорее по отношению к... заключенному [признанному виновным], а не лицу, находящемуся на свободе’”. По мнению Суда, “эти рассуждения можно отнести и к людям, которые, как г-н Дюрма, находятся в предварительном заключении и в отношении которых ведется следствие с целью предъявления им обвинений в совершении преступлений, ибо в подобных случаях довольно высока опасность тайного сговора”⁵¹. Тем не менее в итоге Суд пришел к выводу, что оспариваемое вмешательство не могло быть обосновано как мера, “необходимая в демократическом обществе”, и отклонил аргументы правительства, согласно которым в

47 Ibid., para. 47 at p. 19.

48 Ibid., loc. cit. and p. 19, para. 48.

49 Eur. Court HR, *Case of Schönenberg and Durmaz*, judgment of 20 June 1988, Series A, No. 137, p. 8-9, paras. 8-9.

50 Ibid., p. 9, paras. 10-11.

51 Ibid., p. 13, para. 25.

вышеупомянутом письме г-ну Дюрма давался связанный с предстоящим судебным разбирательством совет, который по своему характеру мог повредить надлежащему ходу этого разбирательства, а само письмо не было отправлено адвокатом, наем которого был бы подтвержден г-ном Дюрма. В связи с этим Суд отметил, что

“г-н Шёненберг пытался проинформировать второго заявителя об имевшемся у того праве ‘отказаться давать какие-либо показания’ и сообщил ему, что если он воспользуется этим правом, то это пойдет ему ‘на пользу’... Тем самым адвокат рекомендовал г-ну Дюрма придерживаться определенной тактики, которая сама по себе не является незаконной, поскольку, согласно прецедентам Федерального суда Швейцарии – аналоги которым можно обнаружить и в других договаривающихся государствах, – обвиняемому разрешается хранить молчание... Возможно, г-н Шёненберг справедливо считал своим долгом информировать г-на Дюрма еще до встречи с ним о принадлежащем ему праве и о возможных последствиях осуществления этого права. С точки зрения Суда, сформулированный таким образом совет не мог породить опасность сговора между отправителем письма и его получателем и не создавал никакой угрозы для нормального ведения судебного дела”⁵².

Кроме того, Суд “счел малозначительным” довод правительства в пользу того, что наем вышеупомянутого адвоката не был подтвержден г-ном Дюрма, поскольку этот адвокат “действовал по поручению г-жи Дюрма и, более того, уведомил об этом по телефону окружного прокурора”. По мнению Суда,

“такого рода разносторонние контакты были равнозначны осуществлению предварительных шагов с целью предоставления второму заявителю возможности прибегнуть к услугам выбранного им защитника и осуществить тем самым право, закрепленное в другом ключевом положении Конвенции, а именно в статье 6... А это значит, что в данных обстоятельствах тот факт, что г-н Шёненберг не был назначен в официальном порядке, большого значения не имеет”⁵³.

Таким образом, в данном деле была нарушена статья 8, что является важным напоминанием о том, что отношения между лицом подозреваемым, обвиняемым или обвиненным в совершении уголовных преступлений и его адвокатом, пусть даже потенциальным, носят привилегированный характер, который власти должны строго соблюдать. Однако этот вопрос будет рассмотрен ниже в разделе 6.4.

⁵² Ibid., pp. 13-14, para. 28.

⁵³ Ibid., p. 14, para. 29.

В соответствии с международным правом в области прав человека меры вмешательства в право человека на личную жизнь при расследовании преступлений должны быть предусмотрены законом, служить законной цели и быть соразмерными этой цели.

6.2 Право на гуманное обращение и право не подвергаться пыткам

Вопросы обращения с задержанными и заключенными будут более подробно проанализированы в главе 8, однако ввиду того, что люди, лишённые свободы в связи с расследованием преступлений, нередко подвергаются пыткам и другим видам грубого обращения, представляется необходимым в настоящем разделе подчеркнуть, что право не подвергаться пыткам, а также жестокому или бесчеловечному обращению или наказанию гарантируется всеми основными договорами и Всеобщей декларацией прав человека (статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах; статьей 4 Африканской хартии прав человека и народов; пунктом 2 статьи 5 Американской конвенции о правах человека; статьей 3 Европейской конвенции о правах человека, не содержащей, однако, термина “жестокое”, и статьей 4 Всеобщей декларации). Применительно к лицам, лишённым свободы, в некоторых правовых документах это право подкрепляется правом на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (пункт 1 статьи 10 Пакта, пункт 2 статьи 5 Американской конвенции). Учитывая серьезность такого явления как применение пыток, от которого не свободна ни одна часть земного шара, под эгидой Организации Объединённых Наций и двух региональных организаций, а именно ОАГ и Совета Европы, были разработаны международные договоры, целью которых является эффективное содействие отмене этой противозаконной практики⁵⁴.

О правах людей в процессе следствия говорится также в статье 55 Статута Международного уголовного суда. Так, в пункте 1 b) статьи 55 предусматривается, что лицо, находящееся под следствием, “не должно подвергаться принуждению, давлению или угрозам в любой форме, пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания”.

Таким образом, в ходе расследования преступлений и судебного разбирательства универсальный и не допускающий каких-либо отступлений запрет на применение пыток и других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания ***должен соблюдаться всегда и***

⁵⁴ См. Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, Межамериканскую конвенцию о предотвращении пыток и наказании за их применение 1985 года и Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 года.

*без исключений даже при обстоятельствах крайней необходимости*⁵⁵. Это означает, что арестованные, задержанные или те, кто каким-либо иным образом оказался в качестве либо подозреваемых, либо свидетелей в распоряжении органов полиции или прокуратуры в целях допроса по поводу якобы совершенных ими преступлений, имеют право на гуманное обращение и на то, чтобы не подвергаться какому-либо психологическому или физическому насилию, принуждению либо запугиванию. Как будет показано ниже, согласно международным нормам в области прав человека использование принуждения с целью получения признаний является противоправной мерой. В частности, об этом прямо говорится в статье 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Были разработаны и правовые документы, предназначенные для групп специалистов, причастных к проведению уголовных расследований. Так, в статье 5 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 года предусматривается, что “ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания”. А в Руководящих принципах 1990 года, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, содержится, наряду с другими, следующее важное положение:

“16. Когда в распоряжение лиц, осуществляющих судебное преследование, поступают улики против подозреваемых, полученные, как это им известно или как они имеют разумные основания считать, с помощью незаконных методов, являющихся грубым нарушением прав человека подозреваемого, особенно связанных с применением пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, или других нарушений прав человека, они отказываются от использования таких улик против любого лица, кроме тех, кто применял такие методы, или, соответственно, информируют Суд и принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы лица, ответственные за применение таких методов, привлекались к суду”.

Кроме того, в пункте 1 с) статьи 54 Статута Международного уголовного суда предусматривается, что одна из обязанностей прокурора при расследовании состоит в том, чтобы “в полной мере соблюда[ть] права лиц, вытекающие из настоящего Статута”, а это, помимо прочего, означает и соблюдение права, оговоренного в пункте 1 с) статьи 55, касающегося запрета на оказание давления и применение пыток.

Кроме того, в соответствии с пунктом 7 вступительной части Основных принципов независимости судебных органов, “на судей возлагается обязанность принимать окончательное решение по вопросам

⁵⁵ См., например, пункт 2 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах; пункт 2 статьи 27 Американской конвенции о правах человека; пункт 2 статьи 15 Европейской конвенции о правах человека; пункт 2 статьи 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и статью 5 Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за их применение.

жизни и смерти, свободы, прав, обязанностей и собственности граждан”, а поэтому судьи также должны проявлять особую бдительность в том, что касается любых признаков плохого обращения или какого-либо давления, которые могли быть допущены в ходе уголовных расследований и в периоды содержания под стражей и при возникновении подозрений в отношении ненадлежащего обращения принимать необходимые меры⁵⁶.

Судьи, прокуроры и адвокаты должны проявлять особую бдительность в отношении любых признаков пыток, включая изнасилования, и признаков других форм сексуального насилия и плохого обращения с *женщинами и детьми*, находящимися в заключении. Применение пыток к представителям этих уязвимых групп населения и другие формы грубого обращения с ними со стороны сотрудников полиции и тюремного персонала являются весьма распространенным явлением во многих странах, и чтобы положить конец этой незаконной практике, необходимо обеспечить, чтобы все члены юридического сообщества постоянно играли активную роль в недопущении и расследовании таких фактов и наказании за них.

Запрет на применение пыток и других форм жестокого обращения действует всегда, в том числе и при расследовании преступлений, и никакому оправданию эти акты не подлежат: их следует предупреждать, расследовать и виновные в них должны нести наказание. Судьи, прокуроры и адвокаты должны проявлять особую бдительность по отношению ко всем признакам пыток или жестокого обращения с женщинами и детьми, находящимися в заключении.

6.3 Право быть уведомленным об обвинениях на понятном языке

В пункте 3 а) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливается, что при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения каждый человек имеет право “быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения”. В пункте 3 а) статьи 6 Европейской конвенции содержится аналогичная формулировка, а согласно пункту 2 b) статьи 8 Американской конвенции о правах человека, обвиняемый имеет право на “срочное и подробное информирование о выдвинутых против него обвинениях”. В Африканской хартии прав человека и народов отсутствуют положения, прямо гарантирующие право какого-либо лица быть уведомленным о предъявляемых ему обвинениях. Однако Африканская комиссия по правам человека и народов постановила, что арестованные “должны без промедления

⁵⁶ Положения, касающиеся запрещения пыток, можно также найти в статье 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 1988 года.

быть уведомлены о предъявляемых им обвинениях”⁵⁷. В принципе 10 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, предусмотрено, что каждому арестованному “сообщаются при аресте причины его ареста и без промедления сообщается любое предъявленное ему обвинение”.

Право быть информированным *на понятном человеку языке*, естественно, подразумевает, что для того, чтобы выполнить это условие и предоставить подозреваемому возможность выступить в свою защиту, власти того или иного государства должны обеспечить услуги компетентных переводчиков, осуществляющих устные и письменные переводы. Это право более общего характера на обеспечение устного перевода во время следствия было особо включено в принцип 14 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, в соответствии с которым:

“Лицо, которое недостаточно хорошо понимает или говорит на языке, используемом властями, ответственными за его арест, задержание или заключение, имеет право на получение как можно скорее на языке, который оно понимает, информации, указанной в принципах 10, 11 (пункт 2), 12 (пункт 1) и 13, и на получение помощи переводчика, если необходимо бесплатной, в связи с юридическим разбирательством после его ареста”.

Кроме того, обязанность в общем порядке информировать подозреваемое лицо о принадлежащих ему/ей в ходе следствия правах “на языке, на котором подозреваемый говорит или который он понимает”, предусмотрено, например, в статье 42 (А) Правил процедуры и доказывания Уголовных трибуналов по Руанде и Югославии, которая, помимо прочего, гарантирует право “на получение бесплатной правовой помощи устного переводчика”, если подозреваемый “не понимает и не говорит на языке, на котором проводятся допросы”.

С точки зрения Комитета по правам человека, предусмотренное в пункте 3 а) статьи 14 право быть уведомленным “применяется к любому рассмотрению уголовных обвинений, включая обвинения, выдвинутые *против лиц, не находящихся под стражей*”, а “право ‘быть в срочном порядке’ уведомленным о предъявляемом обвинении требует, чтобы информация предоставлялась вышеуказанным образом сразу, как только выдвигается обвинение компетентными властями”⁵⁸. В связи с этим Комитет уточнил, что

“это право должно возникнуть в случае, когда в ходе расследования суд или сторона обвинения решает прибегнуть к

⁵⁷ ACHPR, *Media Rights Agenda (on behalf of Niran Maloulu) v. Nigeria*, Communication No. 224/98, adopted during the 28th session, 23 October – 6 November 2000, пункт 43 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/224-98.html>.

⁵⁸ Замечание общего порядка № 13 (статья 14), *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 168–169, пункт 8 (курсив наш).

процедурным мерам против лица, подозреваемого в совершении преступления, или публично объявляет его таковым. Конкретные требования подпункта а) пункта 3 могут быть выполнены путем предъявления в устной или письменной форме обвинения при условии, что при этом будут указываться **закон и предполагаемые факты, на которых оно основывается**⁵⁹”.

По мнению Комитета, это также означает, что “подробная информация об обвинениях, предъявляемых обвиняемому, не должна немедленно сообщаться при его аресте, **а должна быть сообщена в начале проведения предварительного расследования или проведения каких-либо других слушаний по делу, которые дают основания для заявления о наличии определенного официально подтвержденного обвинения в отношении обвиняемого**⁶⁰”. Кроме того, обязанность уведомлять обвиняемого, предусмотренная в пункте 3 а) статьи 14, “сформулирована более четко, чем предусмотренная в” пункте 2 статьи 9 Пакта “аналогичная обязанность”: до тех пор пока соблюдается пункт 3 статьи 9, “подробно уведомлять обвиняемого о характере и основании предъявляемого ему обвинения незамедлительно после его ареста необязательно”⁶¹. Рассматривая одно из дел несколько ранее, Комитет, однако, постановил, что “требование о незамедлительном информировании применяется только в тех случаях, когда лицу **официально** предъявляются обвинения в совершении уголовного преступления”, и, следовательно, “оно не применяется к лицам, содержащимся под стражей до завершения полицейского расследования”, то есть в ситуации, охватываемой пунктом 2 статьи 9 Пакта⁶².

Здесь, однако, возникает вопрос о том, насколько доводы, выдвинутые в данном последнем деле, согласуются с соображениями Комитета, изложенными в его Замечании общего порядка или в отношении предыдущих дел.

В свете соблюдения принципа срочного уведомления, Комитет, рассматривая дело, автор которого жаловался на то, что его шесть недель продержали в предварительном заключении, прежде чем предъявить обвинения в совершении преступления, за которое он был впоследствии осужден, не обнаружил нарушений пункта 3 а) статьи 14. Комитет просто пришел к выводу, что, судя по материалам дела, “[автор сообщения] был уведомлен о причинах его ареста и выдвинутых против него обвинениях к началу предварительного слушания дела”⁶³.

⁵⁹ Там же, цит. место (курсив наш).

⁶⁰ Сообщение № 561/1993, *Д. Уильямс против Ямайки* (соображения, принятые 8 апреля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том II), стр. 147, пункт 9.2 (курсив наш).

⁶¹ Сообщение № 702/1993, *К. Маклоуренс против Ямайки* (соображения, принятые 18 июля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том II), стр. 228, пункт 5.9.

⁶² Сообщение № 253/1987, *Л. Келли против Ямайки* (соображения, принятые 8 апреля 1991 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/46/40 (том II), стр. 270, пункт 5.8 (курсив наш).

⁶³ Сообщение № 561/1993, *Д. Уильямс против Ямайки* (соображения, принятые 8 апреля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том II), стр. 147, пункт 9.2.

Нарушение пункта 3 а) статьи 14 было, однако, зафиксировано в деле, в рамках которого пострадавшему не сообщали о предъявляемых ему обвинениях до тех пор, пока не начался закрытый процесс в военном суде, приговорившем его к 30 годам лишения свободы и 15 годам мер строгого режима. К тому же он так и не получил возможности встретиться с назначенным ему адвокатом⁶⁴.

Особая проблема возникает в связи с рассмотрением дел в отсутствии какой-либо стороны в процессе. Не объявляя деятельность заочных судов противоречащей статье 14 в целом, Комитет, рассмотрев одно из дел, решил, что “при определенных обстоятельствах (например, когда обвиняемый, даже будучи достаточно заблаговременно уведомленным о судебном разбирательстве, не желает осуществлять свое право на участие в процессе), проведение подобных процессов является допустимым в интересах надлежащего отправления правосудия”. Однако здесь требуется проявлять особую осторожность, а “эффективное соблюдение прав, закрепленных в статье 14, предполагает осуществление необходимых шагов по заблаговременному уведомлению обвиняемого о начале против него разбирательства” в соответствии с пунктом 3 а) статьи 14, но при этом все же должны существовать и “определенные пределы усилиям, которые, как можно было бы обоснованно ожидать, ответственные власти станут предпринимать, пытаясь установить контакт с обвиняемым”⁶⁵.

Дело Мбенге

Власти одного из государств не сделали всего, что от них требовалось, в плане обнаружения местонахождения обвиняемого в деле *Мбенге*, по обстоятельствам которого государство-участник “не оспаривало утверждение автора сообщения, что о судебных процессах он узнал лишь из сообщений печати, причем после того как процессы завершились”. Несмотря на то что в двух соответствующих решениях суда “прямо указывалось, что секретарь суда отдавал приказы о явке в суд”, ничто “не свидетельствовало о том, что ... государство-участник предпринимало какие-либо практические шаги, пытаясь вручить эти приказы автору сообщения, чей адрес в Бельгии был правильно воспроизведен в” одном из судебных решений, а, “значит, был известен судебным властям”⁶⁶. Кроме того, тот факт, что, согласно решению суда, вынесенному на втором процессе, извещения о предъявленном ответчику иске были выписаны лишь за три дня до начала слушания дела в суде, укрепил Комитет во мнении, “что государство-участник не сделало все возможное, с тем чтобы уведомить автора сообщения о предстоящем судебном процессе, чем лишило его возможности подготовить свою защиту”. Следовательно, оно нарушило подпункты а), b), d) и e) пункта 3 статьи 14 Пакта⁶⁷.

⁶⁴ Communication No. R.14/63, *R. S. Antonaccio v. Uruguay* (Views adopted on 28 October 1981), UN doc. GAOR, A/37/40, p. 120, para. 20 (сравнить с p. 119, para. 16.2).

⁶⁵ Communication No. 16/1977, *D. Monguya Mbenge v. Zaire* (Views adopted on 25 March 1983), UN doc. GAOR, A/38/40, p. 138, paras. 14.1-14.2.

⁶⁶ *Ibid.*, para. 14.2.

⁶⁷ *Ibid.*, loc. cit.

Нарушение пункта 2 b) статьи 8 Американской конвенции о правах человека было зафиксировано в деле *Кастильо Петруцци и др.*, по обстоятельствам которого “обвиняемый не получил достаточно заблаговременно подробного уведомления о выдвинутых против него обвинениях”. И действительно, обвинительный акт был предъявлен 2 января 1994 года, адвокатам разрешили “очень коротко” ознакомиться с ним лишь 6 января, а уже на следующий день суд вынес свое решение⁶⁸.

В соответствии с пунктом 3 а) статьи 6 Европейской конвенции о правах человека, Европейский суд постановил, что для выполнения этого положения достаточно предъявлять заявителям “полицейские протоколы” с указанием перечней их проступков не позже, соответственно, десяти часов и одного часа пятнадцати минут после их ареста. В этих протоколах должны содержаться информация об обвинении (в нарушении общественного порядка), а также указываться дата и место совершения проступка⁶⁹.

Положение пункта 3 а) статьи 6 было, однако, нарушено в деле, согласно обстоятельствам которого заявитель иностранного происхождения сообщил итальянским властям, что плохо понимает содержание врученного ему судебного уведомления, и попросил их направить ему соответствующую информацию на его родном языке или на одном из официальных языков Организации Объединенных Наций. Ответа на свое письмо он не получил, а власти продолжали составлять документы на итальянском языке. Европейский суд отметил, что “судебные власти Италии должны были бы предпринять шаги к тому, чтобы удовлетворить [просьбу заявителя] и обеспечить соблюдение требований [пункта 3 а) статьи 6], при условии отсутствия у них возможности установить, что фактически заявитель владел итальянским языком достаточно хорошо, чтобы понять из уведомления смысл письма, в котором ему сообщалось о предъявленных против него обвинениях”⁷⁰.

⁶⁸ *I-A Court HR, Castillo Petruzzi et al. case v. Peru, judgment of May 30, 1999, Series C, No. 52, p. 202, paras. 141-142 (совместно с р. 201, para. 138).*

⁶⁹ *Eur. Court. HR, Case of Steel and Others v. the United Kingdom, judgment of 23 September 1998, Reports 1998-VII, p. 2741, para. 85.*

⁷⁰ *Eur. Court HR, Case of Brozicek v. Italy, judgment of 19 December 1989, Series A, No. 167, p. 18, para. 41.*

Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, должен быть незамедлительно уведомлен на понятном ему языке о предъявленных ему обвинениях, причем это уведомление должно сопровождаться подробным изложением фактов и законодательных положений, на которых основаны обвинения.

Такая информация должна быть предоставлена заблаговременно до начала судебного разбирательства, чтобы обвиняемый/ая могли эффективно подготовить свою защиту.

6.4 Право на получение юридической помощи

Право на незамедлительное получение юридической помощи после ареста и задержания имеет во многих отношениях большое значение как с точки зрения гарантированного обеспечения права на эффективную защиту, так и в целях защиты физической и психической неприкосновенности человека, лишённого свободы. Несмотря на то что право обвиняемого на получение юридической помощи со стороны выбранного им самим защитника гарантируется всеми соответствующими договорами по правам человека (пункт 3 d) статьи 14 Международного пакта, пункт 1 c) статьи 7 Африканской хартии и пункт 3 c) статьи 6 Европейской конвенции), в пункте 2 d) статьи 8 Американской конвенции о правах человека дополнительно предусматривается, что каждый обвиняемый обладает правом **“иметь свободные и конфиденциальные беседы со своим защитником”** (курсив наш). Ни в Международном пакте, ни в Африканской хартии, ни в Европейской конвенции такого четкого положения, направленного на защиту конфиденциальности отношений между подзащитным и адвокатом, не содержится.

Вместе с тем в правиле 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными 1955 года предусматривается, что

“в целях своей защиты подследственные заключённые должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключение юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции. С этой целью в их распоряжение следует предоставлять по их требованию письменные принадлежности. Свидания заключённого с его юридическим советником должны происходить на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов”.

В принципе 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 1988 года соответствующее положение получает дальнейшую детализацию:

- “1. Задержанное или находящееся в заключении лицо имеет право связываться и консультироваться с адвокатом.
2. Задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется необходимое время и условия для проведения консультаций со своим адвокатом.
3. Право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним, без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности, не может быть временно отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка.
4. Свидания задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом могут иметь место в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительных органов видеть их, но не слышать.
5. Связь задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом не может использоваться как свидетельство против обвиняемого или находящегося в заключении лица, если она не имеет отношения к совершаемому или замышляемому преступлению”.

Согласно принципу 15 этого Свода принципов, “задержанному или находящемуся в заключении лицу может быть отказано в связи с внешним миром, и в частности с его семьей или адвокатом, в течение периода, не превышающего несколько дней”. Сам Комитет по правам человека заявил в своем Замечании общего порядка № 20 по статье 7, что “следует ... принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без права переписки и общения”⁷¹.

Право на юридическую помощь, в том числе и бесплатную, когда подозреваемый не располагает достаточными средствами, гарантируется также пунктом i) правила 42 (А) Правил процедуры и доказывания Трибуналов для Руанды и Югославии. Кроме того, в правиле 67 (А) Правил содержания под стражей, принятых Трибуналом по Югославии, предусматривается, что “каждый задержанный имеет полное и неограниченное право общаться со своим защитником, и если это необходимо, – через переводчика”, а также, что “любые такие сообщения и корреспонденция носят привилегированный характер”. Наконец, правило 67 (D) этих Правил гласит, что беседы “с защитником и переводчиками должны происходить в условиях, позволяющих сотрудникам следственного изолятора видеть присутствующих, но не слышать содержания

⁷¹ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 191–192, пункт 11.

разговора ни непосредственно, ни опосредованно”. Аналогичные положения содержатся в Правилах содержания под стражей, принятых Судом по Руанде.

Необходимо обеспечить **эффективную** реализацию права на получение юридической помощи, и в случаях, когда ситуация не отвечает установленным критериям, Комитет по правам человека усматривает нарушения пункта 3 статьи 14⁷². Кроме того, Комитет усмотрел нарушение этого положения и в том случае, когда на протяжении первых десяти месяцев нахождения под стражей соответствующее лицо не имело доступа вообще ни к какой юридической помощи, и помимо всего прочего было судимо в его отсутствие⁷³. Между тем этот случай, наряду с многими другими, рассмотренными Комитетом по правам человека, выходит за рамки обычных дел, поскольку он связан с ситуацией, когда заключенных содержали под стражей в условиях диктатуры.

В своей резолюции о праве на обращение за помощью к суду и справедливое судебное разбирательство Африканская комиссия по правам человека и народов поддержала право на защиту, закрепленное в пункте 1 с) статьи 7 Африканской хартии, постановив, что в ситуации, когда людям предъявляются обвинения, наряду с прочими им должно обеспечиваться право на “конфиденциальное общение с выбранными ими самими защитниками”. Это право было нарушено в деле организации *Media rights agenda*, выступавшей от имени г-на Нирана Малаолу, которого лишили как доступа к адвокату, так и возможности по своему выбору нанять адвоката для представления его интересов⁷⁴.

Как отмечал Европейский суд по правам человека, “в Европейской конвенции право лица, обвиненного в совершении уголовного преступления, беспрепятственно общаться со своим защитником прямо не гарантируется”, но при этом сослался, в частности, на статью 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Комитетом министров Совета Европы в резолюции (73) 5, текст которой гласит:

“Подследственному заключенному **сразу же после его взятия под стражу** должно быть предоставлено право выбирать своего законного представителя, обращаться за бесплатной юридической

⁷² См. наряду с другими многочисленными делами: Communication No. R.2/8, *B. Weismann Lanza and A. Lanza Perdomo v. Uruguay* (Views adopted on 3 April 1980), в UN doc. GAOR, A/35/40, p. 118, para. 16; и Communication No. R.1/6, *M. A. Millán Sequeira v. Uruguay* (Views adopted on 29 July 1980), p. 131, para. 16.

⁷³ Communication No. R.7/28, *I. Weinberger v. Uruguay* (Views adopted on 29 October 1980), в UN doc. GAOR, A/36/40, p. 119, para. 16.

⁷⁴ ACHPR, *Media Rights Agenda (on behalf of Niran Malaolu) v. Nigeria*, Communication No. 224/98, decision adopted during the 28th session, 23 October – 6 November 2000, текст пунктов 55–56 решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/224-98.html>.

консультацией там, где это возможно, принимать в заключение юридического советника, взявшего на себя его защиту, подготавливать и передавать, а также получать от него конфиденциальные инструкции. С этой целью в его распоряжение следует предоставлять по его требованию все необходимые средства. В частности, ему должна бесплатно предоставляться помощь переводчиков для всех значимых контактов с администрацией и для осуществления своей защиты. Свидания заключенного с его юридическим советником должны происходить в условиях, позволяющих сотрудникам полиции или тюрем видеть присутствующих, но не слышать содержания разговора ни непосредственно, ни опосредованно”⁷⁵.

Далее Суд заявил, что “по его мнению, право обвиняемого общаться с адвокатом так, чтобы их не слышали третьи лица, является частью основных требований, предъявляемых к справедливому судебному разбирательству в демократическом обществе, и основывается на пункте 3 с) статьи 6 Конвенции. Если адвокат не будет иметь возможности общаться со своим подзащитным и получать от него конфиденциальные инструкции без такого надзора, то помощь с его стороны во многом утратит свое значение, тогда как Конвенция была принята с целью обеспечения гарантии прав, которые можно было бы эффективно реализовывать на практике”⁷⁶.

Дело С. против Швейцарии

В деле *С. против Швейцарии* заявитель подал жалобу на нарушение пункта 3 с) статьи 6, состоявшее в том, что швейцарские власти осуществляли надзор за его свиданиями с адвокатом и разрешили последнему ознакомиться с материалами дела лишь частично. Факты дела говорили также о том, что некоторые письма, которые заявитель отправлял своему адвокату, перехватывались, а один раз полицейский, надзиравший за свиданием, стал делать какие-то записи. Представители правительства возражали в Суде, что надзор был оправдан в связи с возможностью “сговора”, поскольку существовала опасность, что два адвоката обвиняемых по одному делу могут скоординировать стратегию защиты.

Тем не менее Суд пришел к заключению, что предусмотренное в пункте 3 с) статьи 6 право заявителя на общение со своим адвокатом было нарушено, так как “вне зависимости от того, насколько тяжкими были обвинения, предъявленные заявителю”, возможность сговора не могла “служить оправданием” для такого ограничения, а других соответствующих оснований заявлено не было”. По мнению Суда, “не было ничего экстраординарного в том, что некоторые адвокаты сотрудничают, пытаясь скоординировать стратегию защиты”, а кроме того ни “профессиональная этика” назначенного судом защитника, “ни правомерность его поведения никогда в данном деле не ставились под сомнение”. К тому же, “вышеуказанное ограничение действовало на протяжении более семи месяцев”⁷⁷.

⁷⁵ *Eur. Court HR, Case of S. v. Switzerland, judgment of 28 November 1991, Series A, No. 220, p. 15, para. 48* (курсив наш).

⁷⁶ *Ibid*, para. 48 at p. 16.

⁷⁷ *Ibid*, para. 49.

Прецедентное право международных контрольных органов свидетельствует о том, что нормы справедливого судебного разбирательства, которые закреплены в международных договорах по правам человека и направлены главным образом на обеспечение справедливости суда как такового, могут применяться и на досудебных стадиях расследования преступлений, по крайней мере в той степени, в какой это требуется для обеспечения справедливого разбирательства в независимом и беспристрастном суде общей юрисдикции.

В частности, такой вывод можно сделать на основании прецедентов Комитета по правам человека, касающихся предусмотренного в статье 14 права на доступ к адвокатам, о котором более подробно будет говориться в главе 7. Кроме того, рассматривая дела, связанные со статьей 6 Европейской конвенции о правах человека, Европейский суд постановил, что именно пункт 3 статьи 6 “может применяться до того как дело передано в суд, если и настолько, насколько вероятно то, что справедливости судебного разбирательства может быть нанесен ущерб путем изначального несоблюдения положений этого пункта”⁷⁸. Что же касается пункта 3 с) статьи 6, в котором говорится о праве каждого человека защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника, то порядок его применения “в ходе предварительного следствия зависит от особенностей проводимых процессуальных действий и от обстоятельств дела”⁷⁹. По делу *Мюррея* Европейский суд разъяснил свою позицию следующим образом:

“63. Согласно внутригосударственному законодательству, поведение обвиняемого на начальных этапах допросов в полиции может повлечь за собой последствия, которые могут затем приобрести решающее значение в плане перспектив защиты на любом последующем судебном разбирательстве. При таких обстоятельствах статья 6 в порядке нормы требует, чтобы обвиняемому предоставлялась возможность прибегнуть к помощи адвоката уже на начальных этапах допросов в полиции. Но это право, не оговоренное в Конвенции конкретно, может быть ограничено, если на то существуют веские причины. В каждом отдельном случае вопрос заключается в том, лишает ли такое ограничение обвиняемого права на справедливое судебное разбирательство в контексте всего процесса”⁸⁰.

⁷⁸ *Eur. Court HR, Case of John Murray v. the United Kingdom, judgment of 8 February 1996, Reports 1996-I, p. 54, para. 62.*

⁷⁹ *Ibid.*, loc. cit.

⁸⁰ *Ibid.*, pp. 54-55, para. 63.

Своевременное получение услуг адвоката: дело Мюррея

В деле *Мюррея* заявителю было отказано в праве доступа к услугам адвоката в течение первых 48 часов его содержания под стражей; это решение было принято согласно статье 15 Закона о Северной Ирландии (чрезвычайные положения) 1987 года “на том основании, что у полиции имелись разумные причины предполагать, что осуществление права на доступ к адвокату может, помимо прочего, помешать процессу сбора информации о совершении террористических актов или затруднить предотвращение таких актов”⁸¹. В соответствии с Указом о доказательствах по уголовным делам (Северная Ирландия) 1988 года заявитель был предупрежден, что в том случае если он предпочтет сохранять молчание, выводы из доказательств будут делаться не в его пользу. Европейский суд пришел к заключению, что идея, лежащая в основе этого Указа, Своевременное получение услуг адвоката: дело Мюррея (продолжение)

“... состоит в том, чтобы обеспечить обвиняемому доступ к адвокату на начальных этапах допросов в полиции – условие, имеющее огромное значение для осуществления права на защиту. Суд обратил внимание ... на то, что положения Указа с самого начала допросов в полиции ставят обвиняемого перед главной дилеммой, касающейся его защиты. Если он предпочтет сохранять молчание, то, согласно Указу, выводы из доказательств будут делаться не в его пользу. С другой стороны, если обвиняемый примет решение отказаться от тактики молчания, он рискует ослабить свою защиту, в отсутствие уверенности в том, что это поможет ему избежать использования выводов из доказательств не в его интересах⁸².

Таким образом Суд постановил, что “при таких обстоятельствах, согласно концепции справедливости, закрепленной в статье 6, требуется, чтобы обвиняемому была предоставлена возможность пользоваться услугами адвоката уже на начальных этапах допросов в полиции”, и что “отказ в доступе к адвокату в первые 48 часов допросов в полиции (то есть в то время, когда правам на защиту может быть нанесен непоправимый ущерб), – независимо от приводимых в пользу такой меры обоснований, – является несовместимым с правами обвиняемого, предусмотренными в статье 6”⁸³.

81 Ibid., p. 55, para. 64.

82 Ibid., para. 66.

83 Ibid., loc. cit.

Каждому человеку, лишенному личной свободы, должно быть обеспечено право на незамедлительный доступ к услугам адвоката и общение с ним без свидетелей. Безотлагательный доступ к адвокату на ранних этапах полицейского расследования имеет важное значение в плане борьбы с устойчивыми предрассудками, существующими в отношении прав на судебную защиту.

6.5 Право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя/право сохранять молчание

Гарантии права каждого человека “не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным” содержатся в пункте 3 g) статьи 14 Международного пакта, а в пункте 2 g) статьи 8 Американской конвенции предусматривается право каждого “не быть принуждаемым к даче показаний против себя или к признанию себя виновным”, причем это положение подкрепляется пунктом 3 статьи 8, согласно которой “признание вины обвиняемым может иметь силу только в том случае, если оно сделано без какого-либо насилия”. Африканская хартия и Европейская конвенция подобных положений не содержат. Эффективная защита этого права приобретает особо важное значение в ходе предварительного следствия, когда появляется наиболее сильный соблазн оказать давление на подозреваемых, с тем чтобы добиться от них признания своей вины. Примечательно, что в Руководящих принципах, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, принцип 16 также предусматривает обязанность этих лиц не принимать доказательства, полученные с применением незаконных методов⁸⁴.

Право не быть принуждаемым свидетельствовать против самого себя и признавать свою вину закреплено также в пункте 1 а) статьи 55 Статута Международного уголовного суда, а также в пункте 4 g) статьи 20 и пункте 4 g) статьи 21 уставов Международных уголовных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, соответственно.

Положение пункта 3 g) статьи 14 Пакта нарушалось неоднократно, например в случае, когда автора сообщения “заставили под пытками признать себя виновным”. Его фактически содержали под стражей *без права переписки и общения с родственниками или защитником* в течение трех месяцев, и все эти три месяца его “подвергали крайне жестокому обращению и принуждали подписать признание”⁸⁵. Безусловно, серьезные случаи подобного рода

⁸⁴ См. принцип 16, подробно цитируемый в разделе 6.2, выше.

⁸⁵ Communication No. 139/1983, *H. Conteris* (Views adopted on 17 July 1985), UN doc. *GAOR*, A/40/40, p. 202, para. 10 (совместно с p. 201, para. 9.2). Еще об одном случае самообвинения под принуждением см.: Communication No. 159/1983, *R. Cariboni v. Uruguay* (Views adopted on 27 October 1987), UN doc. *GAOR*, A/43/40, para. 10 at p. 190.

находятся в явном противоречии с запрещением принуждать кого-либо свидетельствовать против себя, но, как будет видно ниже, существуют и иные обстоятельства, в которых оценивать законность принуждения обвиняемого становится гораздо труднее.

Из права не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя вытекает **право хранить молчание**, хотя четыре договора по правам человека, которые рассматриваются в настоящем Пособии, не содержат прямых указаний, обеспечивающих осуществление этого права во время допросов в полиции либо в ходе судебного разбирательства. Однако прямые ссылки на это право содержатся в пункте iii) правила 42 (А) Правил процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по Руанде и Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, а также в пункте 2 b) статьи 55 Статута Международного уголовного суда. Кроме того, существует постановление Европейского суда по правам человека, который четко сформулировал свою позицию, заявив, что у него

“нет сомнений в том, что право хранить молчание на допросах в полиции и особое право не свидетельствовать против самого себя являются **общепризнанными международными стандартами**, составляющими саму суть понятия справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6... Предоставляя обвиняемым защиту в отношении незаконного принуждения со стороны властей, эти иммунитеты способствуют недопущению судебных ошибок и обеспечивают достижение целей статьи 6”⁸⁶.

⁸⁶ Eur. Court HR, Case of John Murray v. the United Kingdom, judgment of 8 February 1996, Reports 1996-I, p. 49, para. 45 (курсив наш).

Является ли право хранить молчание абсолютным? Точка зрения Европейского суда по правам человека

В рассматриваемом конкретном деле заявитель был арестован на основании Закона о предупреждении терроризма (временные положения) 1989 года, и в соответствии со статьей 3 Указа о доказательствах по уголовным делам (Северная Ирландия) 1988 года сотрудник полиции предупредил его о том, что он не обязан давать какие-либо показания помимо своей воли, однако его молчание суд может истолковать как подтверждение любого соответствующего доказательства против него. Впоследствии его предупреждали об этом несколько раз. Заявителя арестовали, когда он спускался по лестнице дома, в котором были задержаны предполагаемые террористы ИРА вместе с их жертвой. Во время суда над ним по обвинению в сговоре о совершении тяжкого убийства заявитель хранил молчание, хотя и был вновь предупрежден, что при решении вопроса о его виновности суд может “в той степени, в какой сочтет необходимой”, истолковать его “отказ давать свидетельские показания или отвечать на вопросы” не в его пользу⁸⁷. Его признали виновным в пособничестве и подстрекательстве к незаконному лишению свободы человека, в отношении которого замыслилось убийство, но оправдали по всем другим обвинениям.

Рассматривая данное дело, Европейский суд воздержался от “абстрактного анализа пределов” права хранить молчание и особого права не свидетельствовать против самого себя, включая вопрос о том, что в данном контексте представляет собой “незаконное принуждение”, потому что суть проблемы заключалась в том,

“носят ли эти иммунитеты абсолютный характер в том смысле, что осуществление обвиняемым права на молчание ни при каких обстоятельствах не может использоваться против него в суде, или, напротив, всегда ли следует считать “незаконным принуждением” заблаговременное уведомление обвиняемого о том, что при определенных условиях его молчание может быть истолковано вышеуказанным образом”⁸⁸.

По мнению Европейского суда, “само собой разумеется, что рассматриваемые иммунитеты не позволяют основывать обвинение исключительно или главным образом на факте молчания обвиняемого либо на его отказе отвечать на вопросы или самому давать свидетельские показания”, но при этом “не менее очевидно и то, что эти иммунитеты невозможно и не следует считать обстоятельством, не допускающим учета факта молчания обвиняемого в ситуациях, когда существует необходимость получить от него определенные разъяснения при оценке убедительности доказательств, приводимых стороной обвинения”. Из этого следует, что “в тех случаях, когда требуется разграничить эти две крайности”, на вопрос о том, является ли право на молчание “абсолютным, ответ должен быть отрицательным”⁸⁹. Отсюда следует, что “нельзя утверждать..., что решение обвиняемого

⁸⁷ Ibid., p. 38, para. 20.

⁸⁸ Ibid., p. 49, para. 46.

⁸⁹ Ibid., para. 47.

*Является ли право хранить молчание абсолютным?
Точка зрения Европейского суда по правам человека
(продолжение)*

хранить молчание на протяжении всего уголовного процесса никогда не должно иметь последствий в плане попыток суда оценить выдвинутые против него доказательства”. Соглашаясь с правительством государства-ответчика, Европейский суд отметил далее, что “право хранить молчание и особое право не свидетельствовать против самого себя являются международными стандартами в данной области, но касательно обсуждаемой проблемы в этих стандартах ничего не говорится”⁹⁰. Это также означает, что вопрос,

“... не является ли то обстоятельство, что молчание обвиняемого может послужить основанием для неблагоприятных для него выводов, нарушением положений статьи 6, должен решаться исходя из всех обстоятельств дела и с уделением особого внимания условиям ситуации, в контексте которой был сделан тот или иной вывод, значению, которое им придают внутригосударственные суды при оценке доказательств, а также с учетом присутствовавшего в соответствующей ситуации элемента принуждения”⁹¹.

Европейский суд тщательно проанализировал полномочия судьи внутригосударственного суда, ведшего процесс, и пришел к заключению, что тот мог сделать лишь “основанные на здравом смысле выводы, которые считал правильными с учетом предъявленных против обвиняемого доказательств”. Кроме того, судья, который вел процесс, имел “дискреционные полномочия решать, исходя из фактической стороны данного конкретного дела, делать ли какие-либо выводы”, и, наконец, к какому бы заключению он ни пришел, “апелляционные суды всегда могли любое его решение пересмотреть”⁹². Опираясь на материалы данного конкретного дела, Европейский суд в конечном счете не согласился с тем, что “в результате *разумных* выводов, сделанных на основании поведения заявителя, бремя доказывания было переложено со стороны обвинения на сторону защиты и тем самым был нарушен принцип презумпции невиновности”⁹³.

Между тем представляется преждевременным делать какие-либо выводы относительно того, будет ли европейская точка зрения поддержана Комитетом по правам человека и/или другими контрольными органами регионального уровня.

⁹⁰ Ibid., loc. cit.

⁹¹ Ibid., pp. 49-50, para. 47.

⁹² Ibid., para. 51 at p. 51.

⁹³ Ibid., loc. cit. (курсив наш).

Статут Международного уголовного суда: Примечательно, что в пункте 2 б) статьи 55 Статута Международного уголовного суда предусматривается, что еще до начала допроса подозреваемого должны уведомить о том, что он имеет право “хранить молчание, *причем такое молчание не должно учитываться при определении виновности или невиновности*” (курсив наш). И хотя положения данного Статута нельзя считать авторитетным источником для толкования анализируемых в настоящем Пособии договоров по правам человека, он все же представляет собой правовой документ, имеющий значительный юридический вес. В связи с этим важным обстоятельством возникают следующие вопросы:

- ❖ Можно ли определение, вынесенное Европейским судом в деле *Мюррея*, считать соответствующим пункту 2 б) статьи 55 Статута Международного уголовного суда?
- ❖ Являются ли обоснования, опирающиеся на “разумные логические выводы”, достаточной гарантией от совершения возможных судебных ошибок?
- ❖ Достаточно ли четко определено это понятие, чтобы его можно было использовать при оценке доказательств в уголовных процессах?
- ❖ Как поступать в тех случаях, когда подозреваемый отказывается говорить, опасаясь мести со стороны своих сообвиняемых и других лиц?

Никогда и ни при каких обстоятельствах подозреваемого нельзя принуждать к даче показаний против самого себя или к признанию своей вины: он всегда имеет право хранить молчание.

6.6 Обязанность вести протоколы допросов

Ведение протоколов допросов имеет важное значение как мера предупреждения, обращения, запрещенного международным правом в области прав человека, а в случае необходимости – для доказывания фактов такого обращения и последующего использования этих материалов в дальнейших судебных процессах. Такие протоколы должны оставаться доступными как для органов обвинения, так и для стороны защиты. Касаясь этого вопроса, Комитет по правам человека в своем Замечании общего порядка № 20 по статье 7 Международного пакта отметил, что “должно фиксироваться время и место проведения всех допросов, а также фамилии всех присутствующих там лиц, и эта информация также должна быть доступной для целей судебного и административного разбирательства”⁹⁴.

⁹⁴ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 191, пункт 11.

В принципе 23 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, обязанность вести протоколы сформулирована следующим образом:

- “1. Продолжительность любого допроса задержанного или находящегося в заключении лица и перерывов между допросами, а также фамилии должностных лиц фиксируются и удостоверяются в такой форме, какая может быть предписана законом.
2. Задержанное или находящееся в заключении лицо или его адвокат, когда это предусмотрено законом, имеют доступ к информации, о которой говорится в пункте 1 настоящего принципа”.

В правиле 43 Правил процедуры и доказывания Международных уголовных трибуналов для Руанды и бывшей Югославии предусматривается, что допросы подозреваемых “должны записываться на аудио- и видеопленку” в соответствии с подробно расписанной в нем процедурой. Подозреваемому должна вручаться копия протокола такой записи (правило 43 (iv)).

Подробные протоколы допросов должны вестись всегда, и эти протоколы должны быть доступными для подозреваемого лица и его адвоката.

6.7 Право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты

В пункте 3 b) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривается право каждого человека при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения “иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником”. В пункте 2 статьи 8 Американской конвенции о правах человека обвиняемому гарантируется “достаточное время и условия для подготовки своей защиты”, а в пункте 3 b) статьи 6 Европейской конвенции о правах человека говорится о “достаточном времени и возможностях для подготовки своей защиты”. Пункт 1 статьи 7 Африканской хартии прав человека и народов содержит общую гарантию “права на защиту, включая право выбора защитника”. Статьи 20 и 21 уставов Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, соответственно, во многом повторяют положения статьи 14 Международного пакта, и в каждой из них предусматривается право обвиняемого “иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником” (пункты 4 b) статей 20 и 21). Поскольку более подробно вопросы, связанные с осуществлением этого права, будут рассматриваться в главе 7, в настоящей главе планируется ограничиться лишь несколькими примерами из международной судебной практики, в связи с тем что эти примеры в большей степени относятся к проблеме недостатка времени и возможностей для подготовки защиты на первоначальных этапах следствия.

Как подчеркивал Комитет по правам человека, “право обвиняемого иметь достаточно времени и возможности для подготовки своей защиты является важным аспектом гарантии справедливого судебного разбирательства и важным аспектом принципа равенства средств”⁹⁵. В своем Замечании общего порядка № 13, касающемся статьи 14, Комитет также разъяснил, что концепция “‘*достаточно времени*’ зависит от обстоятельств в каждом конкретном случае, однако понятие ‘*возможности*’ должно включать доступ к *документам и прочим свидетельским показаниям*, которые могут потребоваться обвиняемому при подготовке своей защиты, а также возможность нанять *защитника* и сноситься с ним. Когда обвиняемый не желает защищать себя лично или не требует, чтобы это сделало какое-либо лицо или ассоциация по его выбору, он должен иметь возможность прибегнуть к услугам адвоката”⁹⁶. Кроме того, это положение “требует, чтобы защитник сносился с обвиняемым в условиях, *которые полностью обеспечивали бы конфиденциальность их общения*”, и чтобы адвокаты “имели возможность консультировать и представлять своих клиентов в соответствии с установленными профессиональными нормами и выносить суждения без каких-либо ограничений, влияния и давления или какого-либо неправомерного вмешательства”⁹⁷.

В одном из случаев, когда автор сообщения утверждал, что не имел достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты, Комитет указал, что фактически “автора представлял в суде тот же адвокат, который защищал его в ходе предварительного разбирательства”, и что “ни автор, ни адвокат ни разу не обращались к суду с просьбой о предоставлении дополнительного времени для подготовки защиты”. Отсюда следует, что положение пункта 3 b) статьи 14 нарушено не было⁹⁸. *Таким образом, важно, чтобы сторона защиты, если она считает, что ей не хватает времени и возможностей для подготовки к процессу, подавала ходатайство об отсрочке судебного разбирательства.*

Вместе с тем Комитет подчеркнул, что “в тех случаях, когда может быть вынесен *смертный приговор*, обвиняемому лицу и его защитнику без всяких условий должно быть предоставлено достаточно времени для подготовки защиты на суде”, и что “это требование должно соблюдаться на *всех* стадиях судебного процесса”. Однако и в этом случае “для установления того, ‘какое время следует считать достаточным’, требуется оценивать конкретные обстоятельства каждого дела”⁹⁹.

⁹⁵ Communication No. 349/1989, *C. Wright v. Jamaica* (Views adopted on 27 July 1992), UN doc. GAOR, A/47/40, p. 315, para. 8.4; аналогичная формулировка содержится и в Сообщении № 702/1996, *K. Маклоуренс против Ямайки* (соображения, принятые 18 июля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том II), стр. 228, пункт 5.10.

⁹⁶ *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 169, пункт 9 (курсив наш).

⁹⁷ Там же, цит. место (курсив наш).

⁹⁸ Сообщение № 528/1993, *M. Стедман против Ямайки* (соображения, принятые 2 апреля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том II), стр. 25, пункт 10.2.

⁹⁹ Communication No. 349/1989, *C. Wright v. Jamaica* (Views adopted on 27 July 1992), UN doc. GAOR, A/47/40, p. 315, para. 8.4 (курсив наш).

Дело Райта

В деле *Райта* автор сообщения утверждал, что ему не предоставили достаточно времени для подготовки защиты, “что назначенный ему адвокат получил инструкции в день начала судебного процесса” и поэтому “в его распоряжении было менее одного дня для проработки дела”¹⁰⁰. Комитет согласился с тем, что “подготовка велась в спешке, с тем чтобы начать процесс в установленные сроки”, в связи с приездом свидетеля из Соединенных Штатов, и признал “не подлежащим сомнению” утверждение автора сообщения о том, что ему назначили адвоката “утром того же дня, на который было запланировано начало судебного разбирательства”, и что у этого адвоката “не было и одного полного дня для подготовки” защиты автора сообщения; однако, по мнению Комитета, не подлежал сомнению и тот факт, что адвокат автора сообщения тем не менее “не подал ходатайство об отсрочке судебного разбирательства”¹⁰¹. Исходя из этого Комитет “не считал, что в недостаточной подготовленности к защите винить можно судебные власти государства-участника”, и добавил, что “если адвокат понимал, что степень их подготовки не достаточна, **он был обязан попросить отложить судебное разбирательство**”¹⁰². На основании вышеизложенного был сделан вывод, что в данном деле пункт 3 b) статьи 14 нарушен не был. Заявитель был признан виновным в совершении убийства и приговорен к смертной казни.

Учитывая исход дела *Райта* и в контексте анализа дел, по итогам которых обвиняемому может быть вынесен смертный приговор или он может быть приговорен к большим срокам тюремного заключения, уместно задуматься над тем, насколько справедливо в делах возлагать **все** бремя ответственности за соблюдение пункта 3 b) статьи 14 исключительно на сторону защиты. Может быть, в интересах справедливости следует обязать судью, который ведет дело, обеспечить обвиняемому достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты?

¹⁰⁰ Ibid., p. 311, para. 3.4.

¹⁰¹ Ibid., pp. 315-316, para. 8.4.

¹⁰² Ibid., loc. cit (курсив наш). Аналогичные рассуждения, связанные с делом о смертном приговоре, см. также в Сообщении № 702/1996, *К. Маклоуренс против Ямайки* (соображения, принятые 18 июля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том II), стр. 228, пункт 5.10.

Дело Смита

В деле *Смита* – то есть еще одном случае, когда речь шла о вынесении смертного приговора, Комитет сделал вывод о фактическом нарушении пункта 3 b) статьи 14. В этом деле автор сообщения также жаловался на то, что суд над ним был несправедливым и что ему не было предоставлено достаточно времени для подготовки своей защиты, поскольку он смог проконсультироваться со своим адвокатом лишь в день начала судебного процесса, в связи с чем не удалось вызвать ряд ключевых свидетелей. По мнению Комитета, “очевидным являлось то, что судебная защита готовилась в первый день судебного разбирательства”, так как один из назначенных судом адвокатов автора сообщения попросил другого адвоката заменить его, а последний отказался от ведения дела за день до начала процесса. Адвокат, который фактически защищал автора сообщения, появился в суде в 10 часов утра на открытии процесса и попросил отложить судебное заседание до 2 часов дня, “с тем чтобы иметь возможность получить профессиональную помощь и встретиться со своим клиентом, поскольку судебная администрация не разрешила посетить его поздно вечером за день до суда”¹⁰³. Просьба была удовлетворена, и в результате у адвоката “было лишь четыре часа для того, чтобы найти помощника и встретиться с автором сообщения, что могло быть осуществлено им крайне поверхностно”¹⁰⁴. Но этого, по заключению Комитета, было “недостаточно для надлежащей подготовки и защиты в случае, связанном с вынесением смертного приговора”, а кроме того, “на основе имеющейся информации можно сделать вывод о том, что это обстоятельство повлияло на возможности адвоката с точки зрения вызова необходимых свидетелей”¹⁰⁵. Следовательно, эти факты представляли собой нарушение пункта 3 b) статьи 14 Пакта¹⁰⁶.

В деле *Смита* защита действительно просила предоставить ей кратковременную отсрочку. По вашему мнению, какое решение мог бы принять Комитет, если бы защитник не обратился с просьбой о предоставлении такой отсрочки?

Содержание под стражей без права переписки и общения с родственниками или защитником. Пункт 3 b) статьи 14 был нарушен в деле *Марэ*, который был лишен – если не считать двух дней в ходе самого процесса, – возможности общаться с адвокатом и подготавливать свою защиту. Несмотря на то что адвокат “получил разрешение следователя на свидания со своим подзащитным, ему постоянно препятствовали в этом”, а подзащитного содержали под стражей *без права общения и переписки*¹⁰⁷. Сразу два пункта –

¹⁰³ Сообщение № 282/1988, *Л. Смит против Ямайки* (соображения, принятые 31 марта 1993 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/48/40 (том II), стр. 33, пункт 10.4.

¹⁰⁴ *Ibid.*, loc. cit.

¹⁰⁵ *Ibid.*

¹⁰⁶ *Ibid.*

¹⁰⁷ Communication No. 49/1979, *D. Marais, Jr. v. Madagascar* (Views adopted on 24 March 1983), UN doc. GAOR, A/38/40, p. 148, para. 17.3 и p. 149, para. 19.

3 b) и 3 d) – статьи 14 были нарушены в деле *Яссина и Томаса*, когда Яссину не предоставляли правовую помощь в течение первых четырех дней процесса, по завершении которого был вынесен смертный приговор¹⁰⁸.

В 1970-х и начале 1980-х годов против Уругвая было возбуждено множество дел, по обстоятельствам которых нарушалось среди прочих именно это конкретное положение. Эти дела объединяло то, что авторов этих сообщений арестовывали и задерживали по подозрению в причастности к подрывной или террористической деятельности, длительное время содержали под стражей *без права общения и переписки*, подвергали пыткам и другим формам плохого обращения, а затем судили в военных судах и приговаривали к различным срокам тюремного заключения¹⁰⁹. Нарушения пункта 3 b) статьи 14 были отмечены также в возбужденном против Мадаскара деле *Райта*, которого на протяжении десяти месяцев “содержали под стражей без права общения и переписки и лишали доступа к адвокату, ... а в это время вели расследование и определяли выдвигавшиеся против него обвинения в совершении уголовных преступлений”¹¹⁰. Кроме того, Комитет усмотрел нарушение пункта 3 b) статьи 14 в деле *Пеньярреты и др.*, согласно обстоятельствам которого авторам сообщения “в первые 44 дня их содержания под стражей” не предоставляли возможности обратиться к адвокатам, то есть после ареста они содержались под стражей без права общения и переписки”¹¹¹.

Содержание под стражей на протяжении недель или даже месяцев *без права переписки и общения с родственниками или защитником* представляет собой особо тяжкое нарушение целого ряда прав человека, в том числе и права на подготовку защиты. Но даже кратковременное содержание в *условиях полной изоляции* может вызвать серьезные негативные последствия с точки зрения соблюдения прав задержанных, включая право на собственную защиту, и поэтому, как заявил Комитет по правам человека, необходимо “также принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без права переписки и общения”¹¹².

Доступ к документам: Касаясь вопроса о доступе обвиняемого или его защитника к документам, Комитет уточнил, что в пункте 3 b) статьи 14 “прямо не говорится о праве обвиняемого получать копии всех соответствующих документов уголовного расследования, но предусматривается, что он должен ‘иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и для

¹⁰⁸ Сообщение № 676/1996, *А. С. Ясин и Н. Томас против Гайаны* (соображения, принятые 30 марта 1998 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том II), стр. 162, пункт 7.8.

¹⁰⁹ См., например, Communication No. R.13/56, *L. Celiberti de Casariego v. Uruguay* (Views adopted on 29 July 1981), UN doc. GAOR, A/36/40, p. 188, para. 11; Communication No. 43/1979, *A. D. Caldas v. Uruguay* (Views adopted on 21 July 1983), UN doc. GAOR, A/38/40, p. 196, para. 14; and Communication No. R.17/70, *M. Cubas Simones v. Uruguay* (Views adopted on 1 April 1982), UN doc. GAOR, A/37/40, pp. 177-178, para. 12.

¹¹⁰ Communication No. 115/1982, *J. Wight v. Madagascar* (Views adopted on 1 April 1985), UN doc. GAOR, A/40/40, p. 178, para. 17.

¹¹¹ Communication No. 176/1984, *L. Pecarrieta et al. v. Bolivia* (Views adopted on 2 November 1987), UN doc. GAOR, A/43/40, p. 207, para. 16.

¹¹² Замечание общего порядка № 20 (статья 7), *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 191–192, пункт 11.

того чтобы сноситься с выбранным им самим защитником””. Согласно обстоятельствам одного из дел, автор сообщения почти за два месяца до начала слушания его дела в суде получил возможность изучить “лично или через своего адвоката ... документы по его делу в полицейском участке”, но он предпочел “не делать этого, а потребовал переслать ему копии всех документов”. Следовательно, в данном деле положение пункта 3 b) статьи 14 нарушено не было¹¹³.

Кроме того, согласно прецедентному праву Комитета “право на справедливое судебное разбирательство не подразумевает, что подсудимый, не понимающий языка, на котором слушается дело в суде, имеет право получить переводы всех относящихся к делу материалов уголовного расследования, *при условии, что относящиеся к делу материалы имеются у его защитника*”¹¹⁴. В деле, по обстоятельствам которого у судимого в Норвегии британского гражданина имелся выбранный им самим норвежский адвокат, имевший доступ ко всему досье по делу и к тому же пользовавшийся услугами переводчика во время встреч с автором сообщения, не были нарушены ни право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в пункте 2 статьи 14, ни право иметь достаточные возможности для подготовки своей защиты, предусмотренное в пункте 3 b) статьи 14. В этом деле имелось и еще одно обстоятельство, связанное с тем, что в случае если бы адвокату не хватало времени для ознакомления с делом, он мог просить о переносе сроков судебного разбирательства, однако не сделал этого¹¹⁵.

Нарушение пункта 2 c) статьи 8 Американской конвенции о правах человека было допущено в деле *Кастильо Петруцци и др.*, в рамках которого “условия работы адвокатов абсолютно не соответствовали требованиям надлежащей организации защиты, ибо доступ к досье по делу они получили лишь за день до вынесения судом первой инстанции своего решения”. По мнению Межамериканского суда по правам человека, “в результате этого присутствие на процессе и участие в нем адвокатов превратилось в простую формальность” и, следовательно, “вряд ли можно утверждать, что жертвам были обеспечены достаточные условия защиты”¹¹⁶.

¹¹³ Communication No. 158/1983, *O. F. v. Norway* (decision adopted on 26 October 1984), UN doc. GAOR, A/40/40, p. 211, para. 5.5.

¹¹⁴ Сообщение № 526/1993, *М. и Б. Хилл против Испании* (соображения, принятые 2 апреля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том II), стр. 17, пункт 14.1 (курсив наш).

¹¹⁵ Сообщение № 451/1991, *Б. С. Харвард против Норвегии* (соображения, принятые 15 июля 1994 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/49/40 (том II), стр. 152, пункт 9.5.

¹¹⁶ *I-A Court HR, Castillo Petruzzi et al. case v. Peru, judgment of May 30, 1999, Series C, No. 52, p. 202, para. 141.*

Обвиняемый всегда должен иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, включая реальный доступ к документам и другим доказательствам, которые имеют существенное значение с точки зрения его защиты.

Содержание людей без права переписки и общения нарушает право на обеспечение эффективной защиты и должно быть поставлено вне закона.

7. Заключительные замечания

В настоящей главе, не претендующей на абсолютную полноту изложения вопроса, была рассмотрена часть важных прав человека, которые должны гарантироваться на стадии предварительного расследования преступной деятельности. В их число входит ряд прав, имеющих важное значение не только в плане сохранения физической и психической неприкосновенности подозреваемых, но и с точки зрения соблюдения их права на надежную и эффективную защиту на всех первоначальных стадиях разбирательства, а затем и в ходе самого судебного процесса. В деле эффективной реализации этих прав важная роль отводится всем представителям юридической профессии, то есть судьям, прокурорам и адвокатам. Согласно международному праву, на органы полиции и прокуратуры возлагается профессиональная обязанность охранять эти права, как это делают, например, судьи внутригосударственных судов, которые постоянно должны проявлять бдительность в отношении любого признака несоблюдения таких важных прав, как право не подвергаться пыткам, право на реальный доступ к адвокатам, право не быть принуждаемым свидетельствовать против самого себя и право на подготовку эффективной защиты. Если добавить к этому перечню такие основные права, как право на равенство перед законом и на презумпцию невиновности, то можно сделать вывод, что международное право в области прав человека закладывает прочный фундамент для создания судебной системы, функционирующей на основе соблюдения законности и прав каждого человека и имеющей конечной целью беспристрастное и эффективное отправление правосудия.